

№10
Октябрь 2008

Т УССКИЙ КЛУБ

ОБЩЕСТВЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

*От Внешторгбанка к ВТБ.
Расширяя горизонты...*

Когда мы стремимся к намеченным целям, мы объединяем опыт, знания и силы, чтобы двигаться вперед и подняться на новую высоту.

9 банков в 8 странах СНГ и Европы.
Одно имя — ВТБ.

8 (800) 200-77-99
(звонок по России бесплатный)
(495) 739-77-99 (московский номер)

ОАО Внешторгбанк. Генеральная лицензия Банка России №1000

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕТИЦКИЙ

Главный редактор
Александр Сватиков

Редакционная коллегия:
Вера Церетели, Алла Беженцева,
Инна Кулишова, Арсен Еремян,
Нелли Узнадзе, Донара Канделаки

Художник-дизайнер
Ираклий Кипиани

Технический редактор
Давид Абуладзе

Допечатная подготовка
Давид Элбакидзе-Мачавариани,
Алена Деняга

№10⁽³⁷⁾
Октябрь 2008

Адрес редакции:
Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2;
тел./факс: (995 32) 93-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.russianclub.ge

СОДЕРЖАНИЕ

ФЕСТИВАЛЬ	ДВАДЦАТЬ СНИМКОВ ДОВОЕННОЙ ГРУЗИИ	4
	НАТАЛИЯ ЛИТВИНОВА	10
	МАРИЯ ИГНАТЬЕВА	12
	«КИРИЛЛИЦА – МОЙ КАЖДОДНЕВНЫЙ ХЛЕБ»	14
	ДВАЖДЫ ВОЙТИ В ОДНУ РЕКУ	18
	«ДА ПОМОЖЕТ БОГ ГРУЗИИ»	22
ЮБИЛЕЙ	ПРОРОЧЕСТВА ХУДОЖНИКА СБЫВАЮТСЯ	23
	« ЛЮДИ ТЕАТРА НЕ ЗАБОТЯТСЯ О ВЕЧНОСТИ...»	26
О, СПОРТ!	БРИЛЛИАНТЫ ВСЕГДА В ЦЕНЕ	30
ПАМЯТЬ	ОСЕНЕННЫЙ ВЕЩИМ ЗНАКОМ	34
ЛЕГЕНДАРНЫЙ	ЧЕЛОВЕК ИЗ СНОВИДЕНИЙ	38
ПЕРЕВОДИМ	ВОСКРЕСНЫЕ ЗАРИСОВКИ	42
МУЗЫКАЛЬНЫЕ ОТКРОВЕНИЯ	ОПЕРА «АЛЕКО» - ЭТО НАДОЛГО	45
ДАРЬЮШКИНЫ ПОСИДЕЛКИ	ХИТРАЯ СТАРУХА	49
ВЕРНИСАЖ	СЛЕЗА В ХРУСТАЛЬНОМ КУБЕ	52
ПРОЩАНИЕ	НЕПОВТОРИМЫЙ ВАХУШТИ	54

На обложке - храм Светицховели. Праздник Мцхетоба - Светицховлоба,
14 октября. Фото **А.Сватиков**

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
С-24

ДВАДЦАТЬ СНИМКОВ ДОВОЕННОЙ ГРУЗИИ

СЕРГЕЙ ТИМОФЕЕВ (ЛАТВИЯ)

Родился в 1970 г. Поэт. Автор книг стихов. Участник сборника восточноевропейской поэзии «The Fine Line» (Лондон, 2004). Участник поэтического медиа-проекта «Орбита». Одним из первых на постсоветском пространстве стал разрабатывать жанр поэтического видео. Попал в финал фестиваля поэтического видео «Zebra» (Берлин, 2001). С остальными участниками проекта «Орбита» получил поэтический приз года в Латвии в 2005 г. за аудио-видео сборник «Орбита 4». В 2007 г. принимал участие в разработке поэтической компьютерной игры «Я – Текст». Участник международных поэтических фестивалей в Великобритании, Нидерландах, Швеции, Словении, Чехии и Словакии. Стихи переведены на многие языки мира. Шорт-лист премии Андрея Белого (2003).

Я прибыл на поэтический фестиваль в Грузию с чемоданом, полным книг. Еще у меня была бутылка бальзама для старинного друга моего отца и фотоаппарат SONY Cyber-Shot. Я потерял этот фотоаппарат в Батуми, когда мы смотрели на построенные там французами музыкальные фонтаны. Карточка на 2 Гб была почти полна снимками. Ничего, я попытаюсь восстановить некоторые из них и даже представить, что бы я смог снять позже, если бы фотик остался в моем рюкзаке. Просто опишу, какой я увидел Грузию в этом июле, когда о грядущем военном конфликте, казалось, не говорило ничего.

1. Романтичного вида священник в черном в толпе встречающих в тбилисском аэропорту в 4 утра. У него седая борода и темные глаза. Полицейские и просто встречные прикладываются к его руке. Он появляется то в зале, где прибывшие ожидают свой багаж, то уже на выходе. Кажется, это священник аэропорта, который трудится и днем и ночью, встречая рейсы и осеняя крестным знаменем взлеты и посадки.

На самом деле это митрополит Никозский и Цхинвальский владыка Исая. Он представляет грузинскую церковь в Цхинвали и грузинских селах этого региона. В аэропорт он прибыл, чтобы лично встретить одного из участников нашего фестиваля, Диму Строцева из Минска. Что их связывает? Митрополит побывал один раз на выступлении Димы в Москве, ему понравилось. Теперь Дима – его гость. Поэтому он едет его встречать среди ночи и потом почти каждый день появляется на одном из больших черных джипов разных марок, чтобы отвезти в свою монастырскую резиденцию, или повозить по Тбилиси, или просто повидаться. Для меня встреча со священником в аэропорту – символ той религиозности, которая здесь абсолютно естественна и привычна. Первые христианские общины появились в Грузии еще в начале IV века, а всего через несколько десятилетий христианство стало государственной религией. Мне кажется, это потому, что здесь есть горы. Горы – это всегда как будто молчаливые «линки» на другой мир, мир духа. К тому же грузины и грузинки любят черный цвет. И одетые во все черное статные священники с черными с проседью бородами – как будто наиболее «грузинские» грузины, абсолютно вписывающиеся в пейзажи своей родины. Тогда название Цхинвали мне не говорило ничего. Дима рассказывал, что, когда они ездили к митрополиту, на границу с Осетией, то по дороге не встретили ни одного человека в военной форме. И я за эти 10 дней не видел ни одного солдата. Я видел совсем другие вещи.

2. Вид с балкона тбилисской гостиницы «Old Metehi» на реку Куру, вдоль берегов которой и расположился Тбилиси. Гостиница стоит прямо на скалистом берегу, под балконом – обрыв метров в пятьдесят и река, большая ленивая, какого-то колониально мутно-зеленого цвета. А на другом берегу продолжается старый Тбилиси – домики, храмы и на самом верху – крепость Нарикала.

Кого только ни притягивала грузинская земля, в том числе и арабов. Но поставив в Тбилиси наместни-

ка, они не слишком заботились управлением города. «Это была настоящая городская республика, - с восторгом рассказывает мой грузинский приятель, поэт и ценитель анархистских идей, Зураб Ртвелишвили... Наместник только получал подати, а горожане сами решали важнейшие вопросы своей жизни. Так было пока Давид Строитель, деятельно объединявший Грузию в XII веке, не взял Тбилиси приступом. Но город сопротивлялся, в случае осады горожане скрывались в крепости Нарикала и за ее стенами на обрывистых холмах держали оборону. Давид не мог справиться с непокорными тбилисцами многие годы...» Говорят, что президент Саакашвили считает себя «новым Давидом Строителем». Это действительно деятельный и энергичный человек, но способы решения конфликтов путем посылы «верной дружины» должны были бы быть оставлены в XII веке. К сожалению, так не произошло...

3. Видеофайл. Вид с одного из холмов Нарикала на покрытые зеленым лесом горы. Звучит хор из миллиона здешних сверчков, они стараются. Ощущение жаркого полудня.

Дом в Сигнахи

4. Снимок стакана с белым вином, в котором плавает четвертинка большого персика. Его держит рука на весу, рядом другие руки держат еще четыре таких же стакана, понятно, что они сейчас будут чокаются.

Однажды под вечер я зашел в местную парикмахерскую неподалеку от гостиницы. Небольшое, немножко постсоветского помещения, давно не перекрашивавшиеся стены украшают плакаты с парикмахерских конкурсов и рекламные постеры. Хозяин не высокий, немного грузный, лет около шестидесяти. Он обслужил меня, а потом, когда я спросил: «Сколько с меня?», он сказал: «Не к спеху, давай сначала выпьем вина с моими друзьями!» И действительно он приоткрыл дверь в соседнюю комнату с выходом во двор. Здесь стоял холодильник, работал большой вентилятор и за столом сидели еще трое мужчин при-

мерно того же возраста. На столе была тарелка с сыром сулугуни, овощной салат, щедро приправленный киндзой, плоская хлебная лепешка и большая пластиковая бутылка с кахетинским вином. «Как жаль, что ты не приехал немного раньше!» - сказал хозяин-парикмахер. «В прошлом году на своем винограднике я сделал 420 литров вина. Но мы все выпили с друзь-

В тбилиском кафе

Тбилиси. Улица Шардена

ями...А ты, значит, из Латвии? Ну, за дружбу между народами!» И мы все четверо чокаемся стаканами с вином, в котором плавают дольки персика, выпиваем вино и закусываем сочной мякотью плода, пропитавшегося кахетинским белым. Потом мы, конечно, беседуем о политике и мне говорят: «Понимаешь, нам что важно – немножко денег заработать, позвать друзей и хорошо посидеть...» Потом мы прощаемся, но меня зовут заходить еще, ведь в пятницу, может быть, при-

Мцхета. Джвари

везут хорошего домашнего вина...

5. Большая черная старая советская «волга» с приоткрытым багажником, полным огромных полосатых арбузов. Рядом никого нет. Хозяин, наверное, привез свой урожай на продажу, а сам отошел на минутку.

6. Выходящее на улицу окно подвальной пекарни, у окна присел на корточки полицейский в форме, он протягивает деньги, а взамен получает большой плоский только что выпеченный лаваш. В окне виден пекарь в белом халате, печь и покрытый мукой стол.

7– 8– 9. Фотографии домов в старом Тбилиси. В два-три этажа, с огромными балконами, украшенными деревянной резьбой. Сохнет белье, из окон показываются старушки, а внизу детвора балуется со шлангом, из которого бьет ленивая струйка.

Если вам нравятся грузинское кино и картины Пиросмани, вы не разочаруетесь в современной Грузии. Все еще здесь. Говорят, что многое в старом Тбилиси будет перестраиваться по мировым стандартам, сюда приходят иностранные инвесторы, в том числе из арабских стран, которым безразлична грузинская старина, но еще года три-четыре у вас в запасе есть точно. А еще хорошо бы вам найти экскурсовода-любителя Сашу, чтобы он провел вас ночью из Нарикала на Хлебную площадь по еле освещенным, но как свои пять пальцев знакомым ему улицам. Особенно хорошо там, где церкви на склоне горы почти сливаются с окружающими домами и дети играют или просто сидят и болтают о чем-то своем прямо в церковных дворах. С их рождения - это привычная для них площадка для игр. А рядом журчит источник с вкуснейшей прохладной водой, текущей с вершины.

10. Стол, покрытый белой скатертью. На нем несколько бутылок вина с высокими горлышками, пара

Тбилиси. Улица Ираклия II

бутылок с минералкой и бутылки с разноцветными лимонадами – грушевый, лимонный... и тархун со своим ярко-зеленым «абсентным цветом».

Все знают о грузинском вине, но не все знают о грузинских лимонадах – обязательной части застолья. Они совершенно не отдают химией и действительно приятны на вкус. Самый знаменитый грузинский лимонадный бренд – «Воды Лагидзе» – ведет свою историю со второй половины XIX века, когда по окрестным селениям разъезжал

Тбилиси. Звонница храма Святой Троицы

Митрофан Лагидзе, выясняя где растет лучший тархун и какие ароматные травы и плоды достойны появления на столе в виде напитков. Я помню магазинчик «Воды Лагидзе», возникший в Ленинграде в конце 80-х, просуществовал он, правда, недолго, везти лимонады из страны в страну стало сложно. А в 90-е, как рассказал мне безутешный Зураб, Соса-Сола выкупила бренд «Воды Лагидзе» у одного из наследников славного семейства и прекратила производство под этим названием. Правдив ли этот рассказ, я выяснить не успел, но, к слову сказать, лимонады других грузинских компаний тоже очень неплохи.

11. На фоне позднего вечера выхваченная фото-

спышкой слегка облезлая слоновья нога почему-то в окружении зеленых листьев.

Это дерево, платан. Они действительно так выглядят. Их очень много в Тбилиси, а больше всего на проспекте Руставели – главной артерии столицы.

12. Выложенная из камней древняя стена с зияющим проемом окна. В окне видно небо.

Снимок сделан в Гелати, это древний религиозный и научный комплекс, здесь на вершине горы располагались монастырь, колокольня, церковь и академия, основанная в 1106 году все тем же Давидом Строителем. Царь, желая создать у себя на родине крупный просветительский центр, собрал в Гелатской академии лучших грузинских ученых. От залы, где они заседали и беседовали в греческих традициях, остались только стены, в одной из них – то самое окно. Встретивший нас знаток грузинской истории говорит, что в зале стоял и огромный зарытый в землю кувшин для вина. Философия и виноделие шагали рука об руку. У входа в соседнюю церковь зарыт и сам Давид. Так завещал он себя похоронить, чтобы каждый входящий в храм ступал на его могилу. По преданию таким об-

На прогулке

разом он хотел себя наказать за гордыню... Вообще Гелати - удивительное место. Какое-то счастье там разлито в воздухе. Может быть, это и имеется в виду в древнем церковном термине «благодать».

13. Мальчики и девочки в национальных костюмах темно-вишневого цвета. Танцуют.

Сигнахи

В Кутаиси нас встречали танцующие дети. Мальчики делали это очень лихо. А девушки выглядели удивительно благородно – в длинных больших бархатных юбках и небольших чепцах под цвет платья. Вообще грузинки – нация красавиц, не растерявшая древний, выпестованный столетиями традиций внутренний аристократизм. У них очень нежная и одухотворенная красота, бледная кожа, черные волосы и бездна изящества.

14. Ночь. Выхваченный вспышкой кусок каменистого пляжа в Батуми. Камни, камни, а потом вода.

Мы сидели здесь с грузинским поэтом Давидом Чихладзе и его подругой Майей и беседовали о модном термине «кидалты» - о взрослых, не спешащих растерять свою детскость. Майя говорит: «В Грузии мужчины – настоящие дети. До самой старости. Потому что быть такими им позволяют грузинские женщины.» «Ага, - говорю я, - тогда понятно, почему они так любят одеваться в черное и классически (брюки, туфли, рубашка). Маскируются под взрослых!» Мы смеемся и бросаем камешки в Черное море. Оно здесь очень ленивое и спокойное.

15. Раннее утро (около шести). Тот же пляж. Светит солнце. К берегу выходят любители утреннего купания

и гимнастики. Они делают упражнения, неспешно переговариваются, заходят в воду, плывут.

Утренний воздух абсолютно прозрачен и ясен. Вокруг – тишина, прерываемая время от времени негромкими репликами на грузинском. Море – как спящий ягненок. Хорошо.

16. Улица в Батуми. Двух-трех-этажные дома. Прямо на улице у булочной-пекарни стоят белые пластмассовые столики и стулья. На одном из них – маленькая чашечка с кофе по-турецки.

Это удивительно вкусный кофе. Ароматный, крепкий, сладкий. Однажды я не выдержал и стал расспрашивать, как его готовят. «Ложка кофе и ложка сахара на чашечку воды. Вот и все» - сказала мне женщина, заваривавшая кофе. Я попробовал повторить это дома. И, конечно, вкус был не тот... А вообще курортная расслабленная атмосфера Батуми как нельзя более подходит для смакования кофе на улице. Сидишь, стайки гуляющих девушек или мамы с семьями проходят мимо. В Грузии, кстати, это до сих пор существующее явление, которое мы на-

Улица старого Тбилиси

Сигнахи

Сигнахи. Вид на Кавказский хребет

блюдали и на наших поэтических вечерах – принаряженная, в вечернем платье мама и дочка-красавица, в классических юбке, блузке и туфлях. Мама болтает с подругами, а дочка стоит рядом, скромно, молча... Невеста на выданье из хорошей семьи.

17. Новенькая с иголки курортная гостиница Alík в Батуми, названная в честь хозяина, которого, собственно так и зовут. Двор перед ней со скамейками и фонтаном. Здесь же стоит большой черный Хаммер с номером Alíka. А в двух шагах от него на маленьком игрушечном пластиковом Хаммере сидит сын хозяина гостиницы, мальчик лет шести. Игрушечную машину толкает один из портье в черных брюках и белой рубашке. Мальчик катается туда-сюда со строгим, почти отстраненным выражением на лице.

В тех грузинских городах, где мы побывали, как-то не очень много велосипедистов. Считается, что, став совершеннолетним, грузинский юноша лучше сядет за руль. В холмистом Тбилиси с совершенно невероятным по логике транспортным движением, велосипед – возможно, не самое подходящее средство передвижения. Но в Батуми это удивляет... Кстати, девушек на двухколесном друге здесь еще меньше.

18. Ночь. Кабачок прямо на берегу моря, на пристани. Совсем рядом – стоят у причала большие торговые суда в ночных огнях.

Воскресный день

Мы только что вынесли столик на площадку в паре метров от ленивых волн. Нас привел сюда Звиад Ратиани, еще один грузинский поэт и переводчик, который параллельно работает в крупнейшей грузинской компании мобильной связи – монтирует кабели и другую технику на вышках связи. И вот Звиад заказал в очередной раз вина и закуски, мы сидим, он рассказывает о том, как любит Батуми, потом о своих любимых американских поэтах, потом о своих любимых грузинских поэтах. И одному из них, Бесику Харанаули, он решает позвонить. Он включает громкую связь, оживленно говорит по-грузински с человеком на том конце провода. Тот ему отвечает и Звиад громко от души смеется, а потом переводит нам: «Бесик говорит, слушай, дорогой, почему ты звонишь мне, когда тебе уже хорошо, позвони мне за полчаса перед этим, я приеду, и вместе будем радоваться!»...

Тбилисцы

19. Тарелка, в которой хачапури по-аджарски. Это такая лодочка из теста, в которой покоится сыр, расплавленный и пропеченный, а сверху на сыр вылита свежее яйцо.

Вам надо взболтать сыр вместе с яйцом, чтобы они стали единой однородной массой и пропитали тесто до самой корки. Это очень-очень вкусно.

20. Видеофайл. Я снимаю сады растущие по берегами горной речки в местечке Багдади. Сады серпантином тянутся и тянутся наверх. Речка журчит по камням.

Именно здесь родился поэт Владимир Маяковский. Нас привезли сюда посетить его дом-музей и выступить в местной школе, но мне сегодня выступать не надо, и я просто отхожу в сторону от толпы разомлевших от жары участников и разнаряженных встречающих, и начинаю шагать вверх и вверх. На меня смотрят местные старушки, поглядывают из проезжающих «жигулей» мужчины. Я и сам смотрю во все глаза на дома с резными балконами, на деревья, на камни, на небо. Я – в Грузии. И это уже – как песня.

И всего через пару недель после этого я читал новости и строчил смски своим друзьям, пытаюсь узнать, как их дела в том военном беспределе, который обрушился на них в августе. Звиад был как раз в командировке в Гори, когда там были бомбежки, но слава богу, он не пострадал. Кажется, в этой войне проиграли все. Трудно сопоставить кадры новостных каналов и то, увиденное всего пару недель назад, что вертится в твоей голове... Монастыри и застолья, книги и сады... а потом бегущие по улицам под обстрелом женщины. Люди могут сидеть за одним столом, а могут и воевать. Даже не зная, кто на самом деле отдал приказ и кому это выгодно. И это очень, очень неправильно. Мир слишком сплетен в единую глобальную сеть интересов, чтобы какая-то отдельно взятая война могла бы быть справедливой. Справедливым может быть только мир и разговор. Разговор за столом, уставленным угощением, или за белым столом с бутылками минералки в дипломатическом офисе. Это уже детали...

НАТАЛИЯ ЛИТВИНОВА (ДАНИЯ)

Родилась в 1961 г. Поэт. Окончила филологический факультет МГУ. С 1989 г. живет в Дании. Преподает родной язык и литературу, читает цикл лекций по истории русской культуры при Российском центре науки и культуры. Член редколлегии журнала «Новый Берег». Стихи и статьи публиковались в журналах «Нева», «Дружба народов» (Россия), «Русский клуб» (Грузия), «Люблю!» (Латвия), газетах «Русская мысль» (Франция), «Словесность» (Израиль) и др.

ПСАЛМЫ ДЛЯ ГРУЗИИ

ТБИЛИСИ

Нефритовой Куры крутой изгиб
Весь в изумрудной россыпи чинар,
Хор ласточек и чаек горький всхлип –
Гортанной речи первозданный дар.
Творец дорог доверчивой ладони,
Храни мой след на острых сколах скал,
Где праведник смирения алкал,
Где жаждал подвига картлийский воин,
Где ныне град в сухой гортани тонет –
Пастух заоблачных отар.

21 июля 2008 г.

ГЕЛАТИ

Инне Кулишовой

Там, в вертограде роз и млечных лилий,
На персиковой нежности небес,
Синь глаз Твоих архангелы излили
На сирот, на скитальцев и повес.
Лозою там увиты стопы Девы –
И Та досель хранит любви исток.
О, не отринь мой вздох и мой оброк –
Сих бедных строк чуть слышные напевы.

22 июля 2008 г.

СИГНАХИ

Но выше королька и ястреба бесстрашной
Вознесся чудный град на крыльях мотылька.
За конусы церквей и за бойницы башен
Цепляются пером подбрюшным облака.

Здесь ангелы кропят живой водой долину
И вьется Алазань лозою горних слез,
Здесь Адамиани был вылеплен из глины
И первобытным камнем в землю врос.

И, если мне дано восстать из праха,
О, Боже, сделай так, чтобы в Сигнахи!

25 июля 2008 г.

АДЖАРИЯ

Звиаду Ратиани

Не Ты ли был так щедр, что и меня привел
Увидеть Грузию, припасть к ее истокам
И полюбить ее детей оленеоких,
Исполненных печали бедных сел?

И труд, и пот, и холод пенящихся рек,
И над обрывом белый крест каппадокийский,
И чернь, и соль, и блеск бездонных вод понтийских –
Здесь в сладкий полон я взята навек.

Гортанный гордый звук подоблачных речей
Поет в вине, в камнях, в стихах любви и смерти.
Продли часы детей Твоих, мой нежный Гмерти,
Сияй во славе – в бездне их очей!

26 июля 2008 г.

ГРУЗИНСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ

Виноградины грузинской вязи
Для меня – ей чуждой – тайна тайн:
Отпечатки птичьих лап по бязи,
Иль по шелку подпаленный край,

Или вьющейся лозы биенье –
Сока ток, и слез, и горных рек,
Божьи игры, ангелов паренье
Или дрожь оленьих смуглых век.

26 июля 2008 г.

МУЗЕЙ В СИГНАХИ

Максиму Амелину

О, дни благословенные настали:
И Пиросмани огнеоокый лев,
Земную скорбь и тяжесть одолев,
Зовет меня в заоблачные дали,
Где в окружении единорогов,
В оранжевом хитоне, налегке,
Давид поет свои псалмы Луке,
В зеленых кущах, в голубых отрогах
Растет лоза и изливает капли

На щедрый кахетинский стол,
И окунает хвост в вино щегол,
Кладя мазки на холст – не так ли?

27 июля 2008 г.

В КОНЦЕ ПУТИ

О, если б Ты, моих скитаний Бог,
Дал выбор мне: где я могу окончить
Свой путь и где последний вздох
Мой задрожит пронзительней и звонче,

Молю о милости, чтоб положил
Меня под камнем на земле грузинской,
Чтоб тень распахнутых ресниц и крыл
Была б бездонней ночи абиссинской.

Дух Лермонтова здесь обрел покой,
Одоевскому, как в пуху ложится,
И, может быть, Бестужев дерзкой птицей
Досель кружится в выси голубой,

Здесь Грибоедова безмолвный прах
Хранит гранит чужого Пантеона.
Как сладко дремлет вдали от дома
Поэтам русским в царственных горах:

Должно быть, и до неба ближе здесь
И дальше от докучной славы...
Неси, Господь, неразглашенной весть
Тому, кому Ты дал услышать Слово!

28 июля 2008 г.

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСТОЛЬЕ

Дмитрию Быкову

Весь в разноцветных бусинах огней
Ночной Тбилиси жарко дышит в ухо.
Уже не скажешь: «Боже, обогрей», -
Но «Остуди во имя Духа
Святого». Ркацители холодок
Покалывает пальцы и, лукавя,
Смех вкладывает мне в уста - и вздох
В гортани тает: «Отче Авве...»
Застольных разговоров блеск и чад
Струятся, льются, сердце убажывая.
Коль в этот вечер ангелы молчат,
Пусть музы за меня решают!

29 июля 2008 г.

Старый фонарь

МАРИЯ ИГНАТЬЕВА (ИСПАНИЯ)

Родилась в 1963 г. Поэт, эссеист. Окончила факультет журналистики и аспирантуру филологического факультета МГУ. Защитила диссертацию по европейской трагедии XVII века. С 1989 г. живет в Барселоне, заведует кафедрой русского языка в Государственной школе языков для взрослых. Автор двух поэтических сборников. Стихи публиковались в журналах «Знамя», «Стороны света», «Новой газете», антологии «Освобожденный Улисс» и др. Стихи переведены на разные языки мира. Автор учебников и пособий для изучающих русский язык, публикаций по вопросам русского языка и литературы. Участница международных фестивалей.

АЛАЗАНСКАЯ ДОЛИНА

Там облака, уставшие от ветра,
Отобразовали тонкую дугу,
Подернутую капельками света.
И аист в розовеющем кругу.

Дорожка среди выцветших, белесых
- Из пряденого тонкого руна -
Небесных туч, как Хромоножка в «Бесах»,
Восторженной мечтой озарена.

Там девушка склоняется к колодцу.
Прохладную вдыхая полутьму,

Над отраженьем собственным смеется
И бесам - выходи по одному!

* * *

В ночь Батуми проливного
Море выплюнуло вон –
В нитях света золотого
Шевелящуюся вонь:

Мышки мертвые норушки,
И медузы, как зрочки,
То резинки и ракушки,
То прокладки и рачки.

Изогнувшись водостоком –
Раз примерь и семь отрежь
Между Западом-Востоком
Незаделанную брешь,

Спяну дно проговорилось,
И плеснула по губам –
Эта живность, эта милость -
Море с горем пополам.

* * *

Даже в этом состоянье
Отупенья, полусна,
После пира, возлиянья,
Разговоров дотемна –

То, что, может быть, приснится,
Вдруг получится. За то,
Что, быть может, сочинится,
Не поручится никто.

Но и посланным как чудо
Предпочту – небесным снам
Эту почту ниоткуда
До востребованья нам.

11 апреля 2007

Старый Тбилиси

«КИРИЛЛИЦА – МОЙ КАЖДОДНЕВНЫЙ ХЛЕБ»

АННЕЛИЗА АЛЛЕВА (ИТАЛИЯ)

Родилась в 1956 г. Поэт, эссеист, переводчик. Автор поэтических сборников. Стихи публиковались в журнале «Звезда». Целиком перевела на итальянский прозу А. Пушкина, «Анну Каренину» Л. Толстого, выпустила антологию русской современной поэзии и прозы. Занимается литературным анализом произведений А.Пушкина, М.Цветаевой, И.Бродского, Б.Рыжего. Преподает литературный перевод с русского языка в Первом Римском университете.

- Какие у тебя были первые впечатления о Грузии?

- Впервые я была в Тбилиси 25 лет назад на три дня из Петербурга, и этот город меня совершенно изумил. С большим удовольствием вернулась сюда снова в 2007-ом, и сейчас, в 2008 году. Что мне здесь нравится? Во-первых, люди. Мне говорили, что они очень похожи на наших, то есть итальянцев. И рассказывали, что даже когда проходят футбольные матчи, грузины болеют за Италию. Я заметила, как меня тепло приняли на моих выступлениях в прошлом и в

этом году. Видимо, дружба существует, в том числе и по физическим причинам – есть некоторое сходство. И что еще мне нравится, и похоже на наш юг, я бы сказала, это гостеприимство – теплота, щедрость. Огромная щедрость. Накрытый стол, где нет места. И мне нравится, когда блюда накапливаются, постоянно прибавляются. Это – принцип построения здания: первый этаж, потом второй, и так далее. Когда освобождается место, сразу появляется другое блюдо. Еще мне очень нравятся пейзажи. Но горный пейзаж я открыла в этот раз, когда гуляла почти на 2000 метрах высоты, собирала самые разноцветные цветы рядом с монастырем мужским, куда мне нельзя было войти, пила холодную воду на источнике, чуть ехала верхом. Еще, экскурсии в Верхнюю Аджарию, Гелати, Кахетию просто забываемы. Я чувствовала себя в поэмах любимых поэтов XIX века: Пушкина, Лермонтова. И мне кажется – может быть, это фантазия, но не думаю, - все осталось, как и прежде. Или это так происходит в моем воображении? Когда я читала про эти пенящиеся реки, думала, это связано с романтизмом, отчасти с эпохой, а на самом деле не так. Наоборот: это так. Эти камни большие, громада воды делают ее пенистой.

- То есть образ Грузии оказался связан с XIX веком? Это именно та Грузия, которая тебе знакома из русской поэзии XIX века?

- Именно так. Эта жидкость огромная как будто имеет свое мясо, какой-то объем. Я обычно читаю в

Риме, издалека, русских современных поэтов и размышляю о них. Кириллица – мой каждодневный хлеб. К сожалению, я пока могу читать только русских поэтов. И видеть их впервые здесь, например Сергея Гандлевского на прошлом фестивале – было внезапной реальностью. Он читал в театре Батуми, и его первое стихотворение, из тех что были прочитаны, я уже переводила. Для меня фестиваль был первой возможностью слышать его реальный голос, и слышать голос поэта для меня всегда очень важно.

- Второй фестиваль закончился буквально недели за две до начала трагедии... Изменилось ли что-нибудь лично для тебя? Что хотелось бы сказать? Особенно если вспомнить, что ты на этот раз познакомилась с митрополитом Никозским и Цхинвальским, с которым дружит один из участников фестиваля, и вы вместе ездили по уникальным местам. Ты сказала, что это самая лучшая поездка в твоей жизни... Сейчас село Никози, где епархия владыки, практически разрушено...

- Да, была трагедия, и это укрепляет мои впечатления, мои воспоминания. «Намазывает» их сильной ностальгией. Когда я была еще там в Тбилиси, люди, которые не присутствовали на предыдущем фестивале, спрашивали у меня, прошлая или эта программа была лучше, и я отвечала: самое лучшее для меня было – сюда вернуться. Опять купалась ночью, на том же самом каменистом пляже, в Батуми, и в первый раз в реке, рядом со старинным мостом. Вошла, на этот раз, впервые, в Тбилиси, в частную квартиру замечательных людей, приятелей владыки Исаяи, вместе с белорусским поэтом Дмитрием Строчевым. Он меня пригласил и познакомил с владыкой. После незабываемого, импровизированного обеда – никогда не забуду эти жареные яйца передо мной, вместе с другими чудесами – владыка Исаяя открыл книгу и стал читать мне и Диме поэму «Молитву» Важи Пшавелы, переводя ее прямо на русский. Это было потрясающе, как длинная прогулка в лугах среди скал во второй половине дня. Помню слова поэмы и женщин, хлопчущих за столом, одна в трауре; симпатичного, бородатого, улыбающегося семинариста на кровати с ногой в гипсе; старые обои облиты библейскими отрывками. И сейчас этот волшебный язык, русский, который мне и многим другим дал возможность общаться друг с другом, даже открывая мне чужую поэзию, грузинскую, превратился в глухой язык танка. Какой кошмар. Как жалко!

- Расскажи, пожалуйста, об Антологии русских поэтов, и почему вообще ты выбрала русскую поэзию.....

- Это мой хлеб (смеется). На самом деле очень интересная история. Я, так сказать, происхожу из классиков. То есть я закончила университет, а потом стала заниматься Пушкиным. Это была моя собственная инициатива, никто не подсказывал, не направлял, и даже наоборот, спрашивали, почему занимаешься Пушкиным, уже тысячи людей этим занимались, ты еще итальянка, поэтому твой подход не может быть более оригинальным, чем у других, у русских, например. Отговаривали. Но я два года занималась Пуш-

киным, читая его произведения, переписку, критику о нем, переводя сто его стихотворений. Потом один мой приятель поехал в Милан и оказался в издательстве, именно в комнате, где решали, кто будет переводить Пушкина в прозе. Значит, предложили мне это сделать. Замечательно, я не могла отказаться, однако за спиной была долгая работа в поэзии, не в прозе. И все равно мне это помогало. Много, серьезно работала. Это была самая первая важная работа. После этого я перевела «Анну Каренину», и это тоже мне дорого стоило: фактически три года жизни.

- Почему ты пошла в русистику?

- Все произошло отчасти случайно. Но тоже судьба... У меня отец был врач, он умер три года назад, и у него была пациентка, старая польская дама без денег и родственников. Однажды она предложила ему давать уроки русского языка кому-нибудь из детей. Оказалась дочка – третья. У меня два старших брата, но папа выбрал меня. И я стала изучать русский язык, когда в Италии, в начале 60-х годов, никто его не изучал, кроме партийных кадров, которые потом ездили в Советский Союз. В моем сознании латинские буквы и кириллица родились почти одновременно. В 6 лет я стала писать по-итальянски, когда пошла в школу. В 7 – по-русски. Русский язык этой старой дамы был немножко элементарный, простые слова, которые были легче для меня: банан, лимон, автобус. Отец очень хотел, чтобы я продолжала, я была не против.

- В итоге увлеклась русским?

- Несомненно. Во время отрочества у меня были уроки с украинской, талантливой художницей. Длинный шаг, узкие юбки, вспыльчивый характер. В университете я уже смогла читать классиков в оригинале: Гоголя, Тургенева, Достоевского, Толстого, Чехова. Это словно иметь двойную жизнь. Язык как другая форма жизни.

- Да, по Гумбольдту, язык приравнен к мировоззрению.

- И еще у отца мама была гречанка...

- Да, я читала об этом у Рейна, в эссе «Надписи над Уранией», который присутствует в книге «Мне скучно без Довлатова» и в «Записках марафонца» ...

- Да-да-да. И еще Бродский об этом говорит в эссе «Watermark» (в переводе на русский это эссе, посвященное Венеции, называется «Набережная неисцелимых» - И.К.). Он там говорит о девушке с медовыми-горчичными глазами, у которой в крови нечто греческое. Меня и крестили по греческому обычаю.

- Православному?

- Нет, по католическому греческому обряду, который на самом деле очень мало отличается от православного. Отец так захотел.

- Получается, во многих смыслах он определил твою судьбу.

- Совершенно верно. И я ему очень благодарна.

- Эта судьба на какое-то время свела тебя с Бродским... На многих, с кем встречался, он производил мгновенно впечатление гения... Как у тебя?

- Я помню самое первое впечатление. Я это описывала. Когда он вошел в аудиторию в университете, у

меня создалось впечатление сильного человека – как он входит, очень решительные шаги. И туфли большие. Мгновенно было у меня просто впечатление большой личности. Я помню, он был в джинсовом пиджаке, то есть был одет очень неакадемично, и стал не то что ругать, а откровенно критиковать профессора перед его студентами. А у меня было сложное отношение к профессору, и я подумала: какой он храбрый, как он мне нравится. Мне было тогда 25 лет. Я спрашивала и до сих пор иногда спрашиваю себя, почему я влюбилась в такого человека. Может быть это произошло, потому что я влюблена в русский язык, или я влюбилась в язык потому, что судьба была такая, что встречу с ним? Могу сказать, что для меня внезапно русский язык с ним становился абсолютно живым. А когда перевожу, до сих пор я слышу голос Иосифа, и когда говорю, я помню его слова, его интонацию, его выбор слов. Это мне помогает.

- *Взгляд на мир его глазами?*

- Нет: он сам был для меня миром. До смерти, когда мы уже не встречались, в году 95-ом, он часто приезжал в Рим, я это знала из газет. И он придумал этот Фонд имени Бродского. В чем состоит суть его деятельности: приезжают поэты, художники, музыканты... Бродский хотел создать русскую академию в Риме, но ему это не удалось. Поэты до сих пор живут в гостях у разных академий: американской, французской, или в университете. Таким образом они могут посмотреть Рим, Италию. Это очень важно для поэтов, а для нас тоже важно встречаться с ними. Работать вместе, распространять русскую поэзию в Италии. Поэтому я встречалась с Кибировым, самым первым гостем, и его представила впервые в Римском университете. Таким образом, я стала заниматься русской современной поэзией, и это считаю подарком Бродского. После Кибирова приехали Стратановский, Шварц, Айзенберг, художница Ольга Флоренская и еще Строчков, Байтов. Они приезжают, хотя не совсем регулярно. Русская поэзия обогащает мой мир и язык, не только русский, но еще и итальянский.

- *Чем?*

- Например, русские пишут в рифму. Это для меня большая тренировка и удовольствие. Как игра. То, что мне больше нравится – находить рифмы по-итальянски когда перевожу. Это – вызов.

- *Как раз сейчас стипендию получил наш общий друг Борис Херсонский...*

- Да, я в долгу перед фестивалем еще и за мое знакомство на земле грузинской с этим замечательным русским поэтом из Одессы. В этом году у нас была возможность ближе познакомиться, потому что мы вместе летели через Киев, туда и обратно. Мы вместе гуляли по Киеву, он мне показал город и, главное, рынок на Андреевском спуске. Он мне помогал в выборе старого украинского костюма. Был день полон приключениями: сильный дождь, мало времени до следующего самолета. Он поэт, психиатр, доктор наук, прекрасный семьянин. Это – хорошее сочетание. Я люблю его повествовательный стих и надеюсь с ним скоро повидаться и поработать в Риме.

- *Тебя называют общеевропейским поэтом, что означает прозаизацию стихов. То есть верлибр и тому подобное.*

- У итальянской поэзии очень старая история. Можно, конечно, писать в рифму. И сейчас поэты опять начинают писать в рифму. Больше, чем раньше. Например, в 60-х годах рифма была совсем не в моде. Трудно, для нас, чтобы она появилась интересной, своеобразной, оригинальной. Еще Бродский учил, что надо создавать оригинальные рифмы, что не имеет смысла соединять слова, грамматически похожие друг на друга. Ты А вот найти разные части речи и «положить» их вместе, издавелока – это мне очень нравится в его поэзии, в звуке, даже когда рифма фактически не существует, но есть такая похожесть, сходство в звуке. Что касается общеевропейского поэта, по-моему можно быть таким и в строгой, закрытой форме. Это зависит отчасти и от выбора темы, содержания. Для меня стихи это – система мышления и жизни. Они очень требовательны. Александр Кушнер мне однажды написал что я думаю в стихах. Это был один из самых больших комплиментов в моей жизни. Поэзия – это риторическое, точное движение глаза, ума и уха. И она пропитана прозой.

- *Бродский не помогал публиковать?*

- Нет, фактически он для меня ничего не сделал. Но я и не просила. В этом смысле абсолютно ничего. Но он хотел, чтобы я опубликовала свою книгу стихов по-итальянски, советовал мне несколько названий, подсказывал мне, как что-то написать по-русски. Говорил, что каждый из нас на чужом языке чувствует себя свободнее. Оказалось, что я опубликовала свою первую книгу в год его смерти: в 1996 году. Опять: это случайно? Он любил мои письма и говорил что они – его капитал. И у него даже в бумажнике было мое письмо. Я послала ему первые стихи, которые были опубликованы в итальянском журнале, и он сказал, мне смешно и приятно это было слышать, что после Нобелевской премии – в том же году, 1987-ом – это второе, что сделало его таким же счастливым: почитать мои стихи. Иосиф еще оценил мои переводы его стихов. Он умер в 1996 году, и в 2006 году я решила, что пора мне заниматься его творчеством, и так и сделала. Недавно я перевела некоторые неизданные на итальянском его стихи: 10-12 стихотворений. И еще написала эссе о нем. В прошлом году они вышли в итальянском поэтическом журнале, и старые мои переводы, и новые, и эссе.

- *Нобелевская премия сделала его счастливым? Он хотел ее получить?*

- Да, он хотел ее получить, и получил, и был счастлив. Единственное огорчало: что его мамы, Марии Моисеевны, тогда уже не было в живых. За год до этого, осенью, мы были вместе в Венеции.

- *Он понимал итальянский?*

- Чуть-чуть. Он мог оценивать чужие переводы, сравнивая с собственным языком. Еще в Нью-Йорке у Иосифа была соседка, Маша Воробьева, которая учила итальянский и преподавала русский. Она ему помогала читать по-итальянски. Он знал необходимые

фразы по-итальянски, которые он произносил великолепно: «Per favore, potrei avere un portacenere?» (Можно, пожалуйста, пепельницу?) Я предпочитала языки, в которых он мог картавить: русский и итальянский. Он как будто выбирал фразы со многими «р», чтобы сделать меня счастливой.

- *Рассказывал ли тебе Бродский о своей предыдущей жизни в России? О суде, психушках, ссылке...*

- Рассказывал. Говорил: «Как я могу не быть жестоким, когда они были столь жестокими со мной?»

- *Часто ли вы беседовали о поэзии?*

- Бывало. Но я бы не называла их беседами, а скорее его монологами. Я в начале была парализована страхом перед ним. И еще беседа подразумевает что-то спокойное, что не было свойственно ему. Наоборот, у него было бурное прошлое, большая несчастная любовь, сын, успех, масса почты и звонков, и он сам был в постоянном движении. Мы встречались два-три раза в году. Мало-помалу я стала разбираться в его стихах.

- *О чем наиболее часто он говорил?*

- Он боялся смерти. Врачи ему говорили, что у него сердце гораздо старше его возраста, и он комментировал: «А почему это именно мне?» Он боялся умереть внезапно в гостинице, и воображал это, неловкость хозяина, и так далее. Иногда, когда он был более спокойным, рассказывал о детстве, о своих первых романах.

- *В интервью Валентине Полухиной о Бродском ты сказала, что это была война, постоянная борьба... Однако, если очень сильно абстрагироваться, не сформировали ли тебя именно такие отношения как личность, точнее, сильно повлияв на твое личностное формирование?*

- Это интересный вопрос. Конечно, он сильно повлиял на меня. Только: в течение нашего романа это было даже слишком сильно и слишком больно. Потом стало полезно. Он говорил мне: тебе с человеком должно быть интересно. Я тогда страдала, думая о возможном будущем без него. А его в конце концов послушала: нашла себе интересного друга и мужа. И вообще я вышла из его «иосифоцентрического» мира.

- *Хотелось бы спросить о звучании грузинского языка для итальянского слуха...*

- Я обожаю грузинский язык. Он очень сильный, бойкий, может быть, даже мужской язык, а на самом деле является красивым и для женских губ. Мало гласных по сравнению с итальянским. Когда думаю об этом языке, вижу перед собой лица моих любимых грузинских поэтов Звиада Ратиани, Шоты Иаташвили, Зураба Ртвелишвили, Ники Джорджанели и Давида Чихладзе. Они во мне существуют без фамилий, и они дружат друг с другом, что мне очень нравится. Во время войны я тревожилась за них и их семьи. Я хотела бы читать грузинских поэтов современности и античности. И еще изучать этот язык, который мне так нравится и визуально: они, его характеры, похожи на ножницы, на гребни, вообще на инструменты парикмахера, все один рядом с другим, в определенном

Участники фестиваля в Дигоми

Ниджат Мамедов и Аннелиза Аллева

порядке перед зеркалом лавки. И еще немножко на уши, может быть, самых клиентов. Эти фестивали очень важны для меня еще и потому, что я могу у вас разговаривать по-русски – то, чего лишена обычно в Риме. И еще поскольку я преподаю литературный перевод в университете – с русского на итальянский.

- *Нужен ли предмет, который ты преподаешь? Чем обусловлено желание студентов заниматься русским?*

- Они бы хотели иметь двойную работу. Преподавать в школе и еще заниматься русской литературой.

- *Напоследок еще раз хотелось бы возвратиться к грузинской теме... Ты, естественно, знаешь о давних культурных русско-грузинских связях? Как тебе со стороны видится будущее в этом плане?*

- Я хотела бы видеть вас всех опять, там в Грузии или у меня. Мои друзья-поэты прекрасно говорят по-русски, и мне кажется чудом что мы вместе можем выразить, либо рассказать, все что угодно. И не только с ними можно разговаривать, но и с поэтами из Азербайджана, из Узбекистана и так далее. И дружеские отношения необходимы всем нам. Я ничего не вижу, а просто надеюсь.

Инна КУЛИШОВА

Борис Казинец на литературном вечере в Багдаде

ДВАЖДЫ ВОЙТИ В ОДНУ РЕКУ

У русского театра в Америке есть грузинские корни в лице руководителя Театра русской классики, народного артиста Грузии Бориса Казинца. Он родился в Москве, на Арбате, в семье известного журналиста. После окончания ГИТИСа его ждала яркая творческая жизнь, более 250 ролей, сыгранных на разных сценах мира. В богатой биографии продолжительный период занимает и жизнь в Грузии.

В американской прессе Бориса Казинца называют «человек – театр». Его смело можно причислить к Гражданам мира, дефицит которых так остро ощущается в современном обществе.

Его приезду в Тбилиси, участию в Международном русско-грузинском поэтическом фестивале были рады не только зрители со стажем, но и совсем юные.

ДОРОГА ЗА ОКЕАН

- Борис Михайлович, взрослым трудно адаптироваться в чужой стране, тем более в такой стране как Америка, и к тому же продолжать свое дело. Как начался ваш путь в Америке? Вы предполагали там надолго остаться?

- Конечно, нет. Когда мы с женой собирались к отъезду в 1991 году, то и мысли не было о том, что не вернемся. Мы даже с детьми по телефону попрощались. Одна наша дочь, Света живет в Тбилиси, а Ира – в Москве.

У нас была творческая командировка. Мы были приятно удивлены, как быстро нам устроили эту поездку. Заместитель министра культуры Грузии Иа Борисович Гамрекели, представители МИДа всячески способствовали нашей командировке. В Москве сотрудницы грузинского центра «Мзиури» вручили нам уже оформленные документы из американского посольства и билеты. Вот это и есть грузины. Это очень простой ответ на все вопросы, касающиеся Грузии. Тем более, мы с женой, прожив более двадцати лет здесь, очень хорошо знаем грузинский народ.

Творческая командировка не давала возможности жить в гостиницах, цены там очень высокие. Моя двоюродная сестра, крупный специалист в области химии, давно работает в Пентагоне, и предложила пожить в ее доме в Вашингтоне. У нее высокое звание адмирала флота. Кстати, отъезд ее семьи в США – отдельная любопытная история. Ее супруг Володя, сын Леона Тальми, расстрелянного в 1948 году. Отец Володи был участником Еврейского антифашистского комитета. Тогда был убит и Михоэлс, расстреляли почти всех членов этого комитета. Володя после всех трагедий, ссылки выжил и спустя несколько лет эмигрировал в Америку.

- Как долго продлилась ваша командировка?

- Три месяца. Как известно, русская община собирается вокруг церквей. Перед нашим отъездом домой староста русской церкви предложил мне пойти на радио «Голос Америки». Я сказал, что как человека без гражданства меня не допустят к микрофону. «С вашим голосом вам надо работать на радио. У меня есть там

знакомый, Олег Рудник, позвоните ему», – предложил он. «Олег Рудник? А как его отчество?» – спрашиваю я удивленно. Староста отчества не знал, но объяснил, что это очень влиятельный человек, один из главных редакторов. И вот я набираю номер и спрашиваю: «Скажите, пожалуйста, вы Олег Рудник?» – «Да, а в чем дело?» В Штатах, когда звонишь незнакомому человеку, то следует представиться, я же решил немного поиграть: «А как ваше отчество?» – «Зачем вам?» – «Мне нужно сопоставить что-то» – «Что за шутки? Львович» – «Олежка, ты стоишь или сидишь?» – «Стою, но в чем дело?» – начинает он нервничать. – «Тогда садись, это Борис Казинец». Ну и на другом конце провода слышится подходящий к месту очень хороший русский текст...

- Вы уже, наверное, заинтриговали читателей...

- Дело в том, что после института я работал в Театре Советской Армии при центральной группе войск. Мы выступали в Варшаве, Бухаресте, Вене... Из Австрии я вернулся к маме и стал играть в ростовском театре, где главным режиссером работал отец Олега – один из крупнейших режиссеров страны Лев Сергеевич Рудник, которого позже расстреляли.

Его выслали из Ленинграда, и он приехал в Ростов. У него я и работал. Помню Олега ребенком. Когда я играл дона Хуана, Олежка бегал вокруг и просил мою шпагу, чтобы фехтовать.

И вот Олег тут же зовет меня встретиться на радио и представляет начальнику. А что это значит? Мне дают текст за десять минут до эфира. Прочитал, но как принять на работу? Тогда они пишут письмо в соответствующие инстанции, и мной занимается ФБР, работники высшего уровня. Ко мне звонили знакомые из Калифорнии и спрашивали, что я такое натворил. В ФБР уже знали моих друзей, с кем общаюсь и т. д. Великая актриса Лена Соловей, с которой я потом семь лет работал в театре, говорит: «Боренька, что такое, ко мне пришел человек из ФБР и спрашивает о твоём моральном облике».

Меня проверяли одиннадцать месяцев, и все это время продлевали визу. После этого мне выдали временное разрешение на работу и официально приняли на радио «Голос Америки».

- Параллельно вы работали и в театре. Были ли трудности и в чем они заключались?

- Работа на радио очень интересная, но у меня была трудная смена. С Москвой во времени восемь часов разницы. Я приходил на радио в десять вечера. После двухчасовой подготовки выходил в эфир. В Москве было уже восемь утра. Мои друзья в Москве шутили: «С чего начинается Родина? С голоса Бориса Казинца». В то же время композитор Саша Журбин решил собрать в Нью-Йорке труппу из известных актеров. Он пригласил Лену Соловей, Борю Сичкина, Мишу Калиновского, Юру Наумкина. Это те люди, которые остались жить в Америке.

В шесть утра я заканчивал работу на радио в Вашингтоне, садился в автобус, который вез меня в Нью-Йорк. В дороге я или спал, или учил роль. После репетиции в театре возвращался домой. Известный

театровед Белла Езерская в своем аналитическом материале «Русский театр в эмиграции», описывая трудности создания русского театра, писала: «Ну, сколько еще таких энтузиастов? Есть один сумасшедший в Вашингтоне, который после ночного дежурства приезжает в Нью-Йорк репетировать...»

ИЗ АМЕРИКИ – С ЛЮБОВЬЮ

- В Соединенных Штатах много русских театров?

- В разные годы было достаточно много русскоязычных театров, начиная с театра Михаила Чехова. Еще в 30-е годы во время гастролей МХАТа остались несколько актеров, которые потом создавали свои труппы. Но все они просуществовали от силы два-три года.

Театр «Блуждающие звезды» Журбина просуществовал шесть лет. Все спектакли, естественно, были музыкальные. Нужно было платить огромные суммы за аренду помещения, а откуда их взять? Актеры получали мизер, но мы держались. Гастролировали по всей Америке, ездили в Канаду. Журбин поставил интересный мюзикл «Закат» по пьесе Исаака Бабеля, где я играл Арье-Лейбу. Этот спектакль мы играли и на Бродвее. И вот Господин случай! В Тбилиси я также был занят в «Закате» и вместе со мной играла моя дочь Света. Господин случай в жизни – великое дело! Позже Журбин получил предложение вернуться в Россию. Меня к тому времени пригласили в Монреаль, в театр имени Леонида Варпаховского.

В то же время я параллельно играл с Леной Соловей в спектакле «Танго в сентябре» Бориса Рацера, с ним объездили всю Америку. Это было одно из самых эмоциональных ощущений. Играть с Леной – потрясающе!

После этого спектакля в Нью-Йорке ко мне подошли две женщины и начали нас расхваливать. Узнав, что я без гражданства, удивились и предложили свою помощь. Я их никогда не забуду – Олю и Надю из еврейской благотворительной организации. Через две недели у меня уже была грин-карта, а позже и американское гражданство. За шесть лет с Сашей Журбиным играли очень много.

- Какова история создания театра имени Варпаховского?

- Очень интересная и в какой-то мере также связана с Грузией. В Тбилиси в 56-м появился знаменитый режиссер Леонид Варпаховский. После того, как он 17 лет отсидел в ссылках, его реабилитировали и

разрешили прожить «за минус сорок городов». В Магадане у него родилась дочка Анечка, которая спала в чемодане за неимением кровати. Тбилиси тоже входил в эти минусы. Но опять-таки – это же Грузия и его приняли в театр Грибоедова. Он поставил два выдающихся спектакля – «Дни Турбиных» М. Булгакова и «В сиреневом саду» Ц.Солодаря. Вскоре он стал главным режиссером Киевского театра, затем его ждала Москва... Его дочь стала прекрасной актрисой, работает в театре Станиславского у Сандро Товстоногова, который переехал в Москву из Тбилиси. Это связь времен, все переплетено. Аня – любимая актриса Товстоногова. Она выходит замуж за

Н.Свентицкий, Э.Квалишвили, Б.Казинец с супругой Светланой

научного работника и уезжает в Канаду. В Монреале создает Ассоциацию русских артистов и театр имени Варпаховского. В создании театра участвует и ее сводный брат Григорий Зисихин, которого она встретила в Канаде. Это настоящий богатый театр, с красивыми костюмами, с великолепными декорациями. Здесь работал и главный художник Театра на Таганке Давид Боровский. Я получаю массу удовольствия от работы в этом театре.

- Какой спектакль с вашим участием сегодня пользуется наибольшим успехом в Америке?

- Я играю и в театре «STEPS» на «оф Бродвее», созданном Славой Степновым. В свое время этот красавец актер играл в Грибоедовском театре. Потом он уехал и выпал из поля зрения. Позже узнаем, что Степнов окончил режиссерский факультет ГИТИСа и работает главным режиссером Владивостокского театра. И вот... мы находим друг друга в Америке. Он видит меня в спектакле. Я читаю статью Беллы Езерской о том, как в ту пору в полуподвальном помещении играют потрясающий спектакль. Где мы могли встретиться? Конечно, на Брайтон-Бич, там обычно встречаются русские. Недавно Степнов поставил спектакль «Враги, история любви» по роману лауреата Нобелевской премии Исаака Зингера. Это история еврея, сбежавшего из концлагеря, где погибли его жена и дети.

Ему помогает выжить польская девушка, на которой он женится. В Америке влюбляется в красивую женщину Машу. Но тут выясняется, что его первой жене раненной удалось бежать из лагеря. Связанный волей судьбы сразу с тремя женщинами, он с любовницей Машей кончает жизнь самоубийством. Я в спектакле играю издателя Рабби, у которого работает главный герой, и помогаю потом его женам.

Прекрасная инсценировка. Степнов ставит спектакли исключительно интересно, там много находок. Спектакль мы играли восемь раз и каждый раз аншлаги.

В ноябре мы собираемся показать этот спектакль на Международном театральном фестивале в Тюмени.

- А как создавался ваш Театр русской классики?

- Мы с женой живем в Роквилле, в Мэриленде. Однажды на блошином рынке ко мне подходит красивый и седой Борис Рабинович и просит сделать программу с группой эмигрантов. Первую программу они захотели посвятить Сергею Есенину. Я спрашиваю, почему именно Есенину? «Как почему? Его стихи прошли через всю нашу молодость, наши двory. Мы пели его стихи, объяснялись в любви его словами. Где бы мы ни жили, его поэзия всегда с нами», – слышу в ответ. Для меня Есенин – это святое. Я же всю Рязанщину пешком прошел. У меня есть целая есенинская программа. Часть моей жизни я провел в Рязани. В честь 75-летия со дня рождения поэта Рязанская филармония попросила меня устроить концерт с известным местным хором. Выступали мы в отреставрированном доме его любимой женщины, дочери помещика из села Константиново Лидии Кашиной (прототип Анны Снегиной!).

Потом я пешком пошел из колхоза в колхоз читать Есенина. Читал стихи сестре поэта Шуре. Она подарила мне бюст Есенина. У меня две вещи, которые очень мне дороги – это бюст Есенина с надписью его сестры и фотография с автографом Аркадия Райкина, где он в шикарном белом костюме.

- Как решался вопрос помещения?

- Нам помог Еврейский центр культуры и американский дом для престарелых. Дело в том, что если два-три человека из этого дома заняты в коллективе, то получаешь разрешение репетировать в большом зале библиотеки. Затем мы отметили 200-летие со дня рождения А.С. Пушкина, поставили пьесу «В городе N» по Чехову. После первых спектаклей к нам начали приходить молодые артисты, школьники. Создалась труппа из 20 человек. Первой нашей большой постановкой была «Женитьба Бальзамина» Островского. В память о гибели башен-близнецов мы поставили «Забывать Герострата» Григория Горина, обожаемого мною. Ни один американский театр к годовщине теракта 11 сентября не поставил ничего. Вершиной был спектакль «Король Лир» Шекспира.

- Русский театр можно назвать отдушиной для русскоязычного зрителя?

- Приехавшим в Америку, Германию, во Францию

взрослым людям трудно войти в культуру другой страны, даже если они прекрасно знают язык. Поэтому абсолютно верно определение «отдушина». Зрители видят продолжение того театра, который знали в Житомире, Ленинграде, Гомеле... К тому же знакомый репертуар с хорошей школой и традициями.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

- Как вы оказались впервые в Тбилиси?

- Это целая новелла. Я очень много ездил. Мне нужен был свой режиссер. Если мне нравился режиссер, я работал, если нет – уезжал.

- Вы дорожили своей свободой?

- Да, но главное интерес. Судьба меня занесла на Урал, в Пермь. Тут все взаимосвязано, все возвращается на круги свои. В 41-м мой отец ушел на фронт. Он был собкором «Известий» на юге России, печатался под фамилией Григорьев. Его статьи и сегодня рекомендуют читать студентам журфака. На фронте он был заместителем редактора фронтовой газеты «Решающий бой» и прошел всю войну.

Мы с мамой эвакуировались в Пермскую область, она пошла работать медсестрой в госпиталь. Мама была прекрасной портнихой, модисткой, как тогда говорили. Шила Вере Марецкой, сестрам Кох... Я решил написать письмо другу отца, секретарю Ростовского обкома, и попросил разрешения вернуться в Ростов. Мы получили вызов и приехали в Ростов.

В 1957 году я вновь в Перми. И вот мы уже в 1964 году отправляемся на гастроли в Сочи. В спектакле «Красавец-мужчина» Островского я играл Окамова.

В это же время в Сухуми гастролитовал Грибоедовский театр. На выходные дни актеры приехали в Сочи к нам на спектакль. Народные артисты Мавр Пясецкий и Даня Славин увидели меня, ничего не сказав, вернулись в Сухуми и порекомендовали меня начальству. Очень редко бывает, чтобы актеры советовали руководству обратить внимание на другого актера.

- Это редкость во многих сферах.

- Я играл Яго, но необычного – блондина. Яго обыч-

но брюнет с густыми бровями. В антракте мне подходит билетерша и говорит, что меня спрашивает какой-то грузин, он видел первый акт и спешит на пароход. Входит красивый грузин и с ходу спрашивает: «Сколько ты в этом театре получаешь?» – «120» – «У меня будешь получать 140» – «А кто вы?»

Это был заслуженный деятель искусств Грузии, директор Грибоедовского театра Павел Мургулия. Он тут же попросил меня найти время для поездки в Сухуми, чтобы он мог представить меня своему коллективу. Я ответил, что еще не решил. «Все решено», – сказал он.

Так я стал работать в Тбилиси. Правда, с небольшим перерывом. Тут тоже дал о себе знать мой характер. Когда я узнал, что в Рязань фактически в ссылку высылают Анатолия Эфроса, я решил поехать туда, хоть на один сезон. На него были большие гонения. Позже, когда в театр пришел Сандро Товстоногов, я позвонил Наталье Бурмистровой и сказал, что хотел бы вернуться.

- При такой творческой активности очень важна обстановка в семье...

- Самая счастливая моя личная жизнь началась после того, как я вернулся в Тбилиси со Светой. Она – мое счастье и спасение. Позже стала одним из руководителей русского театра. Вместе с Николаем Свентицким организовывала все гастроли. Это был потрясающий тандем. Мы играли в Архангельске и Северодвинске, Риге и Вильнюсе.

В американский период жизни она спасла меня. Вначале, когда пролетали журавли, я плакал. У нее же заряд потрясающего человеколюбия, легко находит общий язык со всеми, и через пять минут с ней общаются уже как друзья. Света в совершенстве изучила английский язык, освоила профессию химика и стала ведущим специалистом предприятия. Сегодня она преподает русский и английский языки в прекрасной русскоязычной семье.

- Вы были знакомы с людьми из эпохи Станиславского. Нет ли желания написать о них?

- Мне предлагали написать книгу...

- Вы хотели бы вновь сыграть на сцене Грибоедовского?

- Во время своего выступления в малом зале театра Николай Свентицкий объявил, что сейчас хотел бы вернуть на сцену актера, который 17 лет не был здесь. Я был очень тронут теплым приемом. Если бы я был поэтом, то писал бы стихи о возвращениях и встречах, из которых состоит вся наша жизнь. В одну реку можно войти дважды. Я приехал в Грузию и вошел в ту же реку. Я же вижу эти глаза зрителей, детей, танцующих в Аджарии... Дома, может, и перекрашены, но душа народа та же.

Однажды в Нью-Йорке ко мне подошли две женщины и говорят, что помнят моего Короля в «Золушке». Они были маленькими девочками из 43-й тбилисской школы и часто ходили на мои спектакли.

Я хотел бы вернуться в Грузию.

Миранда ОГАНЕЗОВА

«ДА ПОМОЖЕТ БОГ ГРУЗИИ»

За высоким лбом старого диссидента Бориса Херсонского таится не только «здравый ум и жизненная опытность». Они щедро приправлены многообразным литературным талантом. Кстати, Херсонский – коллега булгаковского профессора Преображенского, которого мы процитировали. Только Преображенский препарировал человеческий мозг, а Херсонский его лечит. Как и положено заведующему кафедрой клинической психологии Одесского национального университета. Профессия в наше время актуальная, что и говорить. Впрочем, вспоминая о своем диссидентском прошлом, Борис Херсонский избегает ярких красок.

- По сравнению с другими я страдал немного. Тяжелее всего было пережить запрет на преподавательскую деятельность. Продолжалось это около пяти лет. А нагрянули к нам по весьма распространенному «обвинению» - САМИЗДАТ!

Библиотеку, где мы занимались этой «крамолой», громили дважды. Второй раз это имело серьезные последствия. Арестовали в конечном итоге только одного из

своего читателя. И стало возможным донести до него один из главных приоритетов ваших творческих интересов – Библейскую тему. Вы – автор переложения Библейских текстов, собранных в «Книге хвалений», сборника «Поэзия на рубеже двух Заветов. Псалмы и оды Соломона»... Земля, по которой мы путешествуем, тоже стала колыбелью христианства, можно сказать, на рубеже двух Заветов. Вы ощущаете дыхание вечности?

- Это благословенная страна, и да поможет Бог найти Грузии правильный путь. Конечно, здесь ощущается некий мистический магнетизм. И только здесь можно понять, почему русских поэтов так тянуло в Грузию. Я бы отметил в этом краю редкую целостность природы, пейзажа и архитектуры. А Тбилиси с высоты птичьего полета – это один из лучших видов в мире.

Что касается фестиваля... Я вижу его предназначение еще и в том, чтобы сохранялась живая связь русской и грузинской поэзии. Я читал грузинскую поэзию в переводах Пастернака, Заболоцкого, многое помню наизусть. Я чувствую это родство. Оно не должно прерываться.

Сам стараюсь способствовать преемственности этой связи. С интересом перевел стихи Шота Иаташвили, которые будут опубликованы в журнале «Крещатик», членом редколлегии которого я состою.

А вот особенность этого фестиваля, как мне представляется, в том, что он соответствует понятию «фестиваль». Например, «родственники» тбилисского форума – московский «Бьенналле» и «Киевские лавры» отличаются тем, что львиная доля времени там отводится выступлениям. В Киеве, например, стихи читали почти непрерывно, на четырех площадках. Обедов не было совсем. А здесь – настоящий грузинский фестиваль, с культурной программой и пиршествами. Право, Грузия непредставима без пиршеств.

- Издавна почему-то укоренилось мнение, что таланты, и поэты, в частности, должны голодать, подвергаться, как писал Леонид Соловьев, «неукоснительному обжуживанию». Не пришла ли пора положить этому конец? Я имею в виду наше, постсоветское пространство, потому что в цивилизованном мире эта проблема так или иначе решена...

- На сегодняшний день налицо явная диспропорция между интересами читателя и поэта.

- И как, по-вашему, наблюдается ли ее сужение, пройдена ли нижняя точка маятника?

- В Москве, насколько мне известно, университетская молодежь начинает проявлять интерес к поэзии, но и там аудитории литературных вечеров ограничены, и, как правило, это одни и те же люди. Активны в основном 2-3 конкурирующие организации, которые на самом деле мало отличаются друг от друга. А что у вас?

- А у нас элита находит общий язык, но есть и много графоманов, которые мутят воду. Но это – неизбежность. А русскоязычная и грузиноязычная элиты, молодежь, в силу языковых различий, общаются через перевод. Действуют литературные кафе, но, конечно, до того идеала, который оставили нам в пример Борис Пастернак и Тициан Табидзе, еще очень и очень далеко.

- Похожая ситуация и на Украине, но там есть и такая концепция – если пишешь по-русски – уезжай в Россию. И – с русским поэтом можно дружить, если он живет в России. Правда, лучших поэтов это не касается.

- Ну нет, нас пока бог миловал... Скажите, Борис, а вы писали что-нибудь о Грузии?

- Писал. В цикле «Страна». Он был опубликован в американском журнале «Слово – Word» и частично в антологии «Диалог», вышедшей у вас по итогам прошлогоднего фестиваля.

Владимир САРИШВИЛИ

Борис Херсонский (Украина)

нас, ключевую фигуру – Петра Бутова, ученого-физика, которого «упекли» на пять лет. Сейчас он в Германии, работает по специальности...

А в те, молодые наши годы, он сам шел на срок. Прямо им говорил, что о них думает. И – вот печальный парадокс – книжки, за которые его посадили, уже выходили в свет официально, а он все продолжал сидеть. Впрочем, не он единственный. Ему советовали написать прошение о помиловании, но он наотрез отказался. «Я не просил ареста, почему же я должен просить освобождения?» - таков был его ответ.

- По-видимому, он хотел испить свою чашу до дна. А что из распространяемой вами продукции больше всего бесило советских блюстителей чистоты идеологии?

- Конечно же, «Архипелаг ГУЛАГ». Он приходил к нам в блоках импортных болгарских сигарет «БТ», в фотокопиях размером с сигаретную пачку. Именно тот экземпляр, с которого мы тиражировали Солженицына, что интересно, сохранился, и недавно экспонировался на выставке советского самиздата.

- Но с началом горбачевской перестройки вы нашли

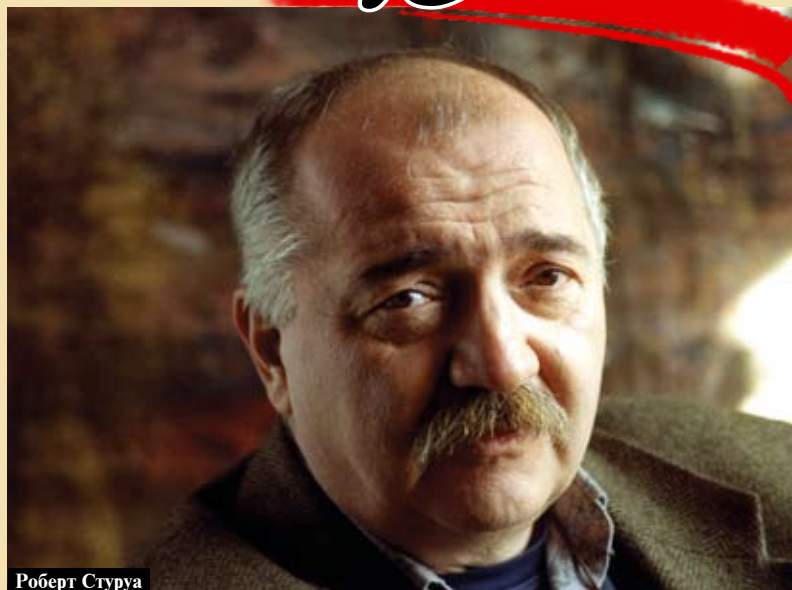
ПРОРОЧЕСТВА ХУДОЖНИКА СБЫВАЮТСЯ

«Театр должен говорить о самых радикальных вопросах нашего бытия. Когда я иду в театр, мне важно услышать со сцены нечто новое о жизни, то, чего я не знал. Я хотел, чтобы режиссеры были немного философами. Театр должен что-то заново открывать. Это превращает наше ремесло в искусство. И театр должен быть игрой. Здесь из повседневного отвратительного существования человек переходит в другое измерение», - к этим словам режиссера Роберта Стуруа стоит прислушаться. Тем более что «в другом измерении» он находится уже давно: первый спектакль он поставил в 1961 году, а 31 июля нынешнего года ему исполнилось 70 лет.

Весть о юбилее в тот же день облетела мир, и не только театральный. Что совсем не удивительно, ведь четверть своих спектаклей (а их около сотни) режиссер поставил за пределами Грузии – Буэнос-Айрес, Афины, страны Европы и СНГ, и конечно, Россия. Он – народный артист СССР и Грузии, лауреат Госпремий СССР и Грузии, обладатель многих международных наград, в том числе, премии имени Станиславского. В разное время театр Руставели, который он возглавляет около 30 лет, был удостоен премий журналистов в Англии и Италии как лучший иностранный театр. Еще в 1992 году его лондонская постановка «Гамлета» с Аленом Рикманом вошла в десятку лучших постановок Шекспира десятилетия.

Сделать привычное новым и неожиданным - обычный прием для этого режиссера. Театральные критики оттачивали свои перья на его режиссерских изысках, зрители и коллеги восхищались. Ажиотажный интерес вызывали московские постановки Стуруа, например, в Большом, в театре «Et Cetera» Александра Калягина, в театре «Сатирикон» с Константином Райкиным, «Это бескрайний мир идей, интеллекта, таланта, он абсолютно живой, хулиган, рискованный парень, мешок обаяния, - говорил о нем Райкин-младший. Российские актеры легко понимали режиссерский язык Стуруа. Он этому совсем не удивлялся, ведь театральная школа одна и та же: «Мы же дети одной страны. Поколение, которое избавилось от прежних навыков, оно еще не пришло», - говорил он для радио «Свобода» в дни юбилея.

Для профессионалов были интересны и мастер-классы Стуруа, которые он проводил по всему миру - в Англии, Австралии, Аргентине, в Грузии и России. Помнится, на мастер-классе в Тбилиси 1998 года подопечные, приехавшие из разных стран, в шутку называли его «мистер мастер». Это был невиданный разгул режиссерско-актерской фантазии. И «мистер мастер» этому нисколько не препятствовал. Более того, поощрял. Роль строгого мэтра он так и не научился играть. «Мои родители всегда воспринимали и себя, и меня несколько иронично. И это, видимо, с самого детства вошло в мою кровь и плоть, я тоже иронически смотрю на себя.

Роберт Стуруа

Так что опасность превращения в какого-то монстра я благополучно избежал».

Ирония как элемент искусства стала неотъемлемой частью постановок Стуруа: «Театр это игра. А все игры ироничны. Даже если это ритуальный, мистериальный театр. Ирония содержит в себе и определенную любовь к объекту, она делает его более человеческим. Ты не слепо любишь, ты видишь недостатки, но продолжаешь любить несмотря ни на что. Ирония абсолютно необходима, так же как простодушие, возведенное Брехтом в эстетическую категорию. Я не избегаю и мелодрамы как иронического взгляда на реальность. Наличие мелодрамы и сентиментальности – эдакого кича, это интересно».

Но вернемся к юбилею. Обычно свой день рождения Стуруа не отмечал публично. Что не мудрено для человека театра, родившегося в июле, - ведь сезон везде закрыт.

Исключение – нынешнее 70 - ление. Театр Руставели 31 июля кипел и бурлил. Но это был предварительный юбилей, для своих. Главные торжества с гостями из разных стран мира решили отложить до сентября и открыть 130-й сезон театра Руставели юбилейной неделей спектаклей Стуруа. А в день рождения актеры накрыли роскошный стол, было много шуток и смеха, и в придачу сюрприз – импровизированные сценки из жизни именинника. В заключение был фейерверк, а затем Роберт Робертович сел за рояль. Пиршество музыки и всяческих жанровых дерзновений длилось почти до утра.

Стуруа ведь сам по себе какое-то фантазмагорическое смешение жанров, совсем как его спектакли. Его музыкальные импровизации помнят до сих пор, он свободно читает партитуры, прекрасно рисует, еще бы, отец - известный художник, мольберт и краски были с детства под рукой. А еще книги, пластинки, русская школа по старой традиции грузинской интеллигенции, уроки музыки. Чем только не грешил режиссер Роберт Стуруа - писал либретто опер, прозу, делал собственные сценарии для спектаклей, вечно перекраивал драматургию, как и сам театр.

Перекроен был и его юбилей, но уже не по воле режиссера. На торжества были приглашены театральные деятели из разных стран, а также ожидался приезд Александра Калягина с его театром «Et Cetera». В Москве в театре Калягина планировалась и новая постановка Стуруа вместе с художником Гоги Алекси-Месхишвили. Но увы, этому не суждено было сбыться. В сферу театра вторглась политика. Война 8 августа разрушила все планы.

Впрочем, если речь идет о шестидесятике Роберте Стуруа, то выход на первый план политики совсем не удивителен. Ведь он основоположник, первооткрыватель и законодатель жанра «политического театра» в

артиста в узком луче прожектора искажено яростью, он что-то кричит, а изо рта идет пар. Мистика какая-то. Стуруа из зала иронично комментирует: «Пусть думают, что мы изобрели новый сценический эффект». Вот так и выживали – «времена не выбирают, в них живут и умирают».

Театр не умер. Пришли новые зрители, пришел успех, и не только на родине. Театр Руставели выезжал на гастроли за рубеж, приезжал и в Москву, несмотря на напряженность российско-грузинских отношений, не раз бывал участником престижного Международного Чеховского фестиваля. Каждое такое соприкосновение культур было «светлым лучом в темном царстве» политики. Но сейчас политика перечеркнула все.

Несмотря ни на что юбилейная неделя Роберта Стуруа состоялась. Она прошла с 26 сентября по 2 октября, хотя и не совсем так, как планировалась. Российские участники выпали из программы. Но среди зрителей на нескольких спектаклях привлекла всеобщее внимание фигура бывшего министра культуры России Михаила Швыдкого – известного театроведа и популярного телеведущего на канале «Культура», а ныне Специального представителя Президента РФ по международному культурному сотрудничеству и Посла по особым поручениям. Он часто бывал в Тбилиси и раньше. Сейчас, по словам Швыдкого, он приехал с неофициальным визитом, поздравить юбиляра, повидаться с грузинскими друзьями. В нашей беседе после спектакля, он высоко оценил творчество Стуруа. Неожиданностью в нынешней

Р. Стуруа, З. Чикобава, Н. Ваченшвили

Грузии. Все начиналось еще 30 лет назад с «Ричарда III», который был выпущен только с третьего захода, после посещения Эдуарда Шеварднадзе, давшего добро на спектакль. Позже были «Синие кони на красной траве», и вовсе запрещенные к показу на гастролях в Москве. Но в те времена запрет считался верхом успеха, триумфом, как это было с Высоцким и Любимовым в театре на Таганке, с Эфросом и Захаровым... Зоркое око советской цензуры не дремало. Но люди это пережили, правда, полностью изжить цензуру не удастся ни в какой стране, при любой демократии.

Пережил театр Руставели со своим худруком и лихие 90-е годы. Без электричества, в холоде Стуруа начал ставить спектакли с молодыми артистами, которые теперь стали звездами. Помню последние репетиции перед выпуском «Доброго человека из Сычуани». Шел декабрь 1993 года. На улице снежная хлябь и промозглая сырость. Холод просачивается сквозь стены неотапливаемого театра. Кажется, продрогли насквозь даже амуры и золоченая лепнина на балконах. На авансцене вместо огней рампы горят три маленькие электрические печки. Над ними мелькают руки: улучив момент, актеры греются. Репетируют сцену диалога-поединка. Лицо

политической ситуации стало его замечание, что Россия не намерена разрывать и терять культурные отношения с Грузией. «Наоборот, позиция нашего президента и премьера, что надо сохранять связи между людьми, развивать контакты в области культуры. В России нет никакого предубеждения против грузинского народа. То, что произошло два года назад по отношению к грузинам, это было трагедией, ошибкой. Сейчас этого совсем нет. Я имел честь посетить Патриарха Всея Грузии Илию II, мы много говорили о сегодняшних проблемах. Наши контакты надо восстанавливать с культуры, с духовных отношений. Надо начинать разговаривать».

Но если отбросить политику, то торжества в Руставелевском театре прошли замечательно. Начиналось все с огромной выставки в фойе – макеты декораций, эскизы, костюмы. А еще здесь огромное количество фото, отражающих живую жизнь театра во главе с юбиляром. Здесь он представлен столь разнопланово, что только диву даешься, почему он не стал актером.

Главное открытие недели – постановки Стуруа не стареют, а масса политических аллюзий бьет еще сильнее, чем на премьерах. Казалось бы, политический театр, перестав быть запретным плодом, утратил свою

Подарок в день рождения

остроту. Но нет. Особенно сейчас, после августовских событий, когда отголоски истории вдруг превратились в абсурдную реальность.

Пророчества художника опасны тем, что сбываются. По отношению к спектаклям Стуруа это ощущение особенно остро. Его театр это не зеркало жизни, а некое зазеркалье, где отражаются не события и лица, а само человеческое сознание.

Самым знаковым явлением юбилейной недели стал показ «Стикса», реквиема для альты и хора Гии Канчели, предпремьерные просмотры которого прошли в ноябре 2003 года буквально накануне революции роз. Тогда после спектакля зрители попадали из мифологических лабиринтов в лабиринты уличного театра с многолюдными массовками вокруг здания парламента. На проспекте Рушавели днем и ночью кипели митинговые страсти, колыхались знамена, гудели микрофоны. В качестве декораций стояли автобусы, перекрывавшие проспект, а за ними кордоны полицейских в шлемах, с щитами и дубинками, еще дальше вооруженный спецназ... Проходя через мизансцены этого уличного театра, никто не знал, по какую сторону Стикса он окажется завтра.

Только у Стуруа могла родиться безумная идея постановки реквиема или симфонической поэмы средствами драматического театра, но без текста – только музыка и пластика. Назвать это представление балетом невозможно, хотя в постановке принимал участие замечательный балетмейстер, недавно ушедший из жизни Гоги Алексидзе. Мимодрама, пантомима - жанр этого сценического действия не поддается формулировке. Скорее всего, это серия сценических этюдов в пластике. При этом сохраняется диктат музыки, она остается эмоциональным стержнем и ей подчинено все.

На этот раз главная интрига состояла в том, что партитура шла не в записи, а в живом исполнении. В пантомимическое действие на сцене влился оркестр, хор, звучавший как бы с небес - с самого верхнего балкона театра, а солист-альтист свободно двигался по авансцене. Это был замечательный юный исполнитель из Британии Бенджамен Маркиз Гильмор, рекомендованный самим Канчели. Композитор сидел в первом ряду и зор-

ко следил за всем. Дирижер Ника Меманишвили, час-то, против всех правил обращенный лицом к зрителю, умудрялся слить воедино разбросанных в пространстве исполнителей, причем, делал это эмоционально, заразительно.

Гостей на юбилейной неделе в театре было много, из знакомых имен - худрук украинского театра им. И. Франко Богдан Ступка вместе с продюсером театра. Отдельно знакомилась с рушавелевским театром целая группа из Франции: среди них Жорж Баню, почетный президент Ассоциации театральных критиков, представлявший Союз Европейских театров, Шанталь Буарон – редактор международного театрального журнала «UBU». Были и представители международных театральных фестивалей из Англии, Франции и Италии. Как оказалось, неспроста. С французской стороны поступило приглашение в декабре показать спектакль в рамках международного театрального симпозиума в Ницце.

Самое масштабное представительство прибыло из Британии: Ник Стар, исполнительный директор Лондонского Королевского Национального театра, Пурни Морель, директор студии этого театра, а также Билл Макалистер, руководитель Института современной культуры в Лондоне и член совета директоров фестиваля «LIFT».

В Лондоне имя Стуруа давно и хорошо известно, еще со времен «Кавказского мелового круга» и «Ричарда III». А теперь гости получили полное впечатление

На юбилее

и о сегодняшнем театре Рушавели, о котором знали как о легенде. Британской и грузинской сторонами уже намечены конкретные перспективы сотрудничества. По словам директора театра Рушавели Заала Чикобава, разработана большая совместная программа: повышение квалификации, мастер-классы, гастроли, обмен режиссерами, актерами. Сейчас для обоих театров открываются новые перспективы.

Что ж, если 70-летний юбилей Стуруа столь плодотворен, «мистеру мастеру» остается только позавидовать белой завистью. А мы будем ждать его следующих экспериментов, мистификаций и юбилеев.

Вера ЦЕПЕТЕЛИ

« ЛЮДИ ТЕАТРА НЕ ЗАБОТЯТСЯ О ВЕЧНОСТИ... »

Встречи с Робертом Стуруа, соприкосновение с его творчеством – огромное счастье для любого журналиста, зрителя. Перед обаянием этого театрального мага трудно устоять, а спектакли можно смотреть не один раз, с наслаждением расшифровывая сложный код его режиссуры. Юбилей Стуруа стал событием международного значения.

«МОЛОДЫЕ ВСЕ ДЕЛАЮТ БЫСТРЕЕ...»

- Как вы относитесь к уже укоренившейся у нас традиции закладывать звезды, посвященные знаменитостям, у входа в театр?

- Мы все перенимаем, но не по существу. Звезды кино, эстрады – такие, как Лилиан Гиш, Дуглас Фэрбенкс или Бред Питт – сияют всем людям на земле. И у них должны быть условные отпечатки в Голливуде.

А такая практика, чтобы на пороге театра были звезды, мне не совсем понятна. В чем виноваты те, кто уже ушли, и потому не удостоились звезды? А в театре Руставели работала блистательная плеяда великих актеров! Молодые не знают уже, кто такой ныне здравствующий Рамаз Чхиквадзе...

- Вам не обидно от мысли, что искусство театра существует сию минуту, а после остаются только рецензии, какие-то снятые на пленку эпизоды спектаклей. Ведь видеозапись не сохраняет эффект присутствия в зале...

- Не сохраняет... Но все-таки хорошо, что спектакли могут сохраниться на уровне какого-то кино. До того, как посмотреть вживую спектакль Джорджо Стрелера «Арлекин», я уже имел о нем представление из видеозаписи. Профессионал всегда поймет, что

к чему! К тому же сегодня качество записи спектаклей выросло. И все-таки, конечно, потери неизбежны. Вся прелесть театра в том, что, сидя в зале, ты видишь живых людей. Но актеры – рыцари театра – не заботятся о вечности, как другие.

- А режиссеры?

- То же самое. Профессия включает в себя это качество. К примеру, какой-нибудь графоман, написавший стихотворение, надеется, что его поймут через двадцать пять лет. В нашем деле все иначе. Если спектакль не получился, он быстро перестает существовать. И нет никакой надежды на то, что кто-то поймет тебя когда-нибудь. Поэтому мы по-рыцарски, что ли, относимся к этой проблеме.

- Вы однажды сказали, что педагогика – не ваша стезя. Вас разочаровал недавний опыт – с телекомпанией «Рустави-2» совместный театральный проект, когда вам пришлось работать с совсем молодыми ребятами?

- Там не было педагогики. Я тогда скорее искал талантливых ребят для театра имени Руставели. К сожалению, не нашел... Я не преподаю не потому, что я плохой педагог. Режиссура включает в себя педагогику. Сначала ты анализируешь пьесу, потом разъясняешь чего ты хочешь...

Впрочем я преподавал и в вузе, у меня был режиссерский курс, я делал дипломный спектакль с будущими актерами. Но это отнимает столько сил! Поэтому я предпочел остаться в театре. Хотя мы получили лицензию на открытие двухгодичной студии при театре Руставели, где будут преподавать наши артисты, уже имеющие педагогический опыт. А я буду этим процессом руководить. Единственное, что мне понравилось в моей педагогической практике, – это то, что ты находишься в постоянном контакте со временем. Молодые, которые приходят к тебе учиться, больше дают тебе, чем ты – им... Ты чувствуешь невыразимое словами изменение в мышлении, взгляде на жизнь, мировоззрении – то, что приносит каждое поколение.

- А что, по-вашему, свойственно новому поколению?

- Больше свободы, они все делают быстрее. Им не нужны длительные подготовительные репетиции, застольный период. Я на это обратил внимание еще в Москве, когда репетировал «Ромео и Джульетту»...

«РЕЖИССЕР ПРИСВОИЛ СЕБЕ МНОГО ПРАВ...»

- Известный российский режиссер Миндаугас Карбаускис сказал однажды в интервью, что жизнь для него важнее собственно режиссуры.

- Думаю, Карбаускис лукавит. Я смотрел его «Смерть Тарелкина» в московском театре «Et cetera», герои которого были одеты в одинаковые полосатые, отдаленно напоминающие арестантские, костюмы. Потом он перенес в современность действие «Ромео и Джульетты». Монтеки и Капулетти – это две соперничающие между собой пиццерии. И на сцене гениально готовят пиццу. Это все-таки не совсем жизнь, а скорее какая-то фантазмагория... Режиссеры, давая интервью, немного хитрят, не все говорят. Или говорят то, что хотелось бы им делать, часто противоречат сами себе в разных интервью. Это, скажем так, от лукавого.

- А режиссура для вас всегда на первом плане?

- Она не может не быть на первом плане. Я беру пьесу и придаю ей новый смысл, открываю новые неожиданные грани. Стараюсь изменить взгляд людей... Другое дело, насколько эстетика спектакля близка к реальности.

- Драматурги не обижаются на ваше достаточно вольное обращение с оригиналом?

- Если я буду ставить так, как они написаны... Но мне иногда неясно, как они написаны! Даже пьесы Шекспира. Когда я беру классическую пьесу или материал современного автора, драматургия никуда не девается, она существует в пространстве и во времени, а я предлагаю лишь версию театра Руставели. Так что оснований для обиды просто нет! Тем более, если спектакль имеет успех... если не вызывает скандала. Иногда драматурги пугаются... Так, Лаша Бугадзе сразу после скандальной премьеры спектакля «Солдат, любовь, телохранитель и президент» тут же напечатал свои маленькие пьесы. Люди прочитали и увидели, что я ничего не изменил в тексте этого драматурга, особенно во второй части – о Президенте. А я в принципе с большим уважением отношусь к драматургам, даже если они начинающие.

- Последние ваши спектакли – это своего рода сага, эпопея о современной Грузии, о ее судьбах. Вы будете продолжать работать над этой темой?

- Когда я впервые ставил «Гамлета» в Лондоне, в Тбилиси шла гражданская война, обострились межнациональные конфликты. Помню, композитор Гия Канчели и я слушали в Лондоне радио «Свобода» и не понимали, что происходит в Грузии... А когда выпустили спектакль, у многих создалось впечатление, что его действие происходит в современной Грузии. Ни к чему подобному я не стремился, но все равно получилось именно так! Все пьесы – это рассказы о каком-то отрезке жизни, где сфокусированы очень важные, судьбоносные события для героев и страны. Если пьеса не фокусирует роковой день в судьбе героев, получается пустяк.

Чехов рассматривает, как маленькие, бытовые события приводят героев к катастрофе... У Чехова очень серьезно поставлен вопрос времени. А вот Анатолий

Эфрос обнаружил, что его пьесы написаны белыми стихами. Получается, Чехов занимался отнюдь не бытописанием, самоварным чаепитием, которые с легкой руки Станиславского вошли во все хрестоматийные постановки Чехова.

- Вы так и поставили бы Чехова?

- Думаю, сегодня не существует режиссера, который бы поставил Чехова так, как мне видится. «Чайка» – это «Гамлет». Треплев – это Принц датский, Аркадина – Гертруда, Тригорин – Клавдий, Нина – Офелия... А начинается пьеса с «мышеловки»: Треплев показывает спектакль. Если рассматривать пьесы Чехова с этой точки зрения, они обретают другое звучание. Иногда мне кажется, что «Три сестры» – это «Король Лир». Просто папа умер, а три сестры потеряли жизненную основу, направленность и погибли... Эти идеи очень сложно воплотить сценическими средствами. Потому что все должно быть ясно показано. Были какие-то попытки немцев, но они выводили в совершенно иное русло, в другую сторону. Действие переносилось даже в сумасшедший дом, в некое метафизическое пространство.

Традиция осовременивания произведения существует с древних времен. Так называемые римские пьесы Шекспира игрались в современных драматургу костюмах.

К примеру, действие оперы «Риголетто» один выдающийся режиссер перенес в среду чикагской мафии. Герцог – это воровская кличка героя, главы мафии. А Риголетто при нем – шестерка.

- Это вам не по душе?

- Нет... Я поставил «Ричарда III» в 1978 году, и в спектакле были попытки соединить разные эпохи, стили, костюмы... Мне сегодня это уже неинтересно. Однако не через костюмы, декорации должны воплощаться идеи, волнующие зрителя. Важны внутренние моменты – изменение в психологии героев, мотивации их поступков. А мы сейчас так же читаем классиков, так же воспринимаем рисунки художников каменного века на стенах пещер. Они вызывают у нас эмоции. А если обратиться к искусству Африки, сыгравшему очень важную роль в возникновении модернизма? Пикассо находился под большим влиянием африканского искусства, именно там истоки его кубизма. Так что искусство нового времени не отрицает прошлого. Наоборот, обогащается. Конец XX века ознаменовался рождением постмодернизма, суть которого в следующем: берешь всю палитру искусства прошлого и настоящего и свободно оперируешь ею.

Все объединяется в нечто единое. Это был замечательный период, но он всем надоел. Сейчас назревает что-то новое. К примеру, современное изобразительное искусство – это отрицание постмодернизма. Часть художников просто прекратила рисовать и занялась театром. Все эти инсталляции, объекты, определенным образом организованное пространство относятся больше к театру, чем к изобразительному искусству. В пространстве, создаваемом этими художниками, я могу сыграть даже спектакль. Это синтез театра и сценографии...

- Кого вы можете назвать в режиссуре своим учеником?

- Гоги Тавадзе, которому я непосредственно преподавал режиссуру в течение пяти лет.

- А как относитесь к явному подражанию эстетике

Роберта Стурра?

- Очень хорошо. Мне приятно, когда мне подражают.

«ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ ЛЮБЯТ ПОСКУЧАТЬ...»

- А театр как развивается?

- Есть попытки создать что-то оригинальное – например, театр невербальный, документальный... Во всем мире люди поделились на две половины. Одна – это те, кто хотят развлекаться в театре, что само по себе совершенно не стыдно, всю жизнь театр развлекал и поучал одновременно... Но есть интеллектуалы, которые хотят услышать со сцены философские взгляды на действительность – иногда в обычной, иногда в необычной форме... Интеллектуалы любят и поскучать, считают, что если в театре не скукаешь, то это плохой спектакль. Скука вошла в эстетику современного театра как нечто обязательное, что меня безумно раздражает... Хотя, как говорят французы, все жанры хороши, кроме скучного. Все говорят о кризисе театра, но, по-моему, он занят поиском новых путей.

- И вы ищете чего-то нового?

- Так, скажем, «лайт» – легко ищущий, не очень вдаваясь в сложности. Я не люблю проявлять максимальный авангардизм, вызывать скандал за счет формотворческих экспериментов. Мне кажется, я более традиционен.

- В вашем творчестве есть то золотое сечение, к которому стремятся все художники... А ваш спектакль «Маска врага» – движение в глубину взаимоотношений людей, их психологии, к чему вы сегодня стремитесь. Эта постановка стоит в вашем творчестве немного особняком.

- Я считаю, что в 1963 году я поставил чуть ли не самый реалистичный спектакль грузинского театра. Он назывался «Перед ужином». Это была грузинская версия известной пьесы Виктора Розова. Автор – Джансуг Чарквиани. Действие было перенесено им в Грузию. После выпуска спектакля я понял, что мне скучно заниматься таким театром. А вот сейчас понял, что в этой сфере тоже есть возможности более глубоких поисков. Спектакль, который я ставлю сегодня, тоже достаточно реалистичный. Он называется «Номер 13». Под таким названием спектакль идет во МХАТе. Это очень веселая коммерческая английская пьеса Рэя Куни. Но у нас коммерческое не очень получается. Это очень смешная, на грани фантазмагии, типичная комедия положений. Мы решили немного отдохнуть, посмеяться... Да, мы смеемся. Но профессия героев настолько связана с политикой, что эта сторона все равно вылезает. Хотя когда смотришь спектакль во МХАТе, о политике и не думаешь. Все очень весело, просто замечательно играет Евгений Миронов.

«САМОЕ ЗНАЧИТЕЛЬНОЕ СОБЫТИЕ – РОЖДЕНИЕ ВНУКОВ»

- Должен ли режиссер быть и профессиональным актером?

- Совсем не обязательно. Не думаю, что Георгий Товстоногов мог бы сыграть какую-нибудь роль, но он прекрасно знал суть актерской профессии. Дома мы все играем, даже вы, когда читаете пьесу или роман, все равно что-то про себя ставите и еще играе-

те. Кстати, я был ужасным артистом. Но сейчас, ввиду большой практики, – приходится много показывать, двигаться – я кое-чему в конце концов научился.

- Не так давно вы сыграли мафиози в кино.

- В кино это, я думаю, легко. Впервые я появился на экране в фильме Отара Иоселиани «Жил певчий дрозд». Там была роль побольше и поближе мне, но все равно это не совсем я. Помню, как я готовился к съемкам. Мне самому было интересно узнать, что это такое.

- И что вы испытали?

- Во время работы ничего! Я как бы немного перестроил свое мышление. Мой герой пошел к какой-то девушке и повел себя с ней ... странновато. Фильм помог мне понять, что такое актерская профессия, я испытал ее на своей шкуре. В дальнейшем это помогло мне в работе с артистами.

- Когда-то вы мечтали стать кинорежиссером. Вы уже мысленно распрощались с этой мечтой?

- Сейчас распрощался. Ведь сегодня снять фильм очень сложно – дорого! Был момент, когда меня пригласили снимать кино, и я даже стал писать сценарий. Это было в середине 90-х. На сегодняшний день сценарий готов только на одну треть, но он существует в моей голове полностью. Может быть, напишу роман – по жанру триллер. Главный герой – грузин. Я задумал фильм в конце 80-х, когда еще не было знаменитого «Кода да Винчи». В моем замысле есть приближение к этому – имею в виду саму фабулу. Существует легенда, согласно которой миром правит двенадцать человек, а тринадцатый - руководитель. Я в это верю. Двенадцать – это очень богатые люди. В основе этой группы – средневековые рыцарские ордена эпохи крестовых походов. Наш герой оказывается под наблюдением этой верхушки...

- Воплотить этот замысел в кино уже не получится?

- Очень трудно. Это был бы довольно дорогой фильм, настоящий боевик. Я обожаю этот жанр... Сегодня появилось много фильмов такого типа, поэтому вряд ли мне удастся заинтересовать спонсоров. Но я могу написать роман... не пьесу: в театре все это будет очень бутафорски выглядеть. Кстати, я на себе ощущал, что эта группа из двенадцати человек существует. Она имеет мощную бюрократическую организацию, разветвленную сеть. Эти бюрократы в курсе всего происходящего в мире. Сейчас это не трудно – есть Интернет, телевидение...

- Ужасно чувствовать себя марионеткой в чьих-то руках?

- Что поделаешь? Мы от этого не можем избавиться. Особенно политики.

- Это элита, особая каста?

- Во всяком случае, это не масоны.

- Почему двенадцать?

- Опять-таки потому что они связаны с Христом, христианской религией.

- А в завершение хотелось бы узнать о самом значительном событии в вашей жизни последнего времени.

- Рождение внуков. Последний родился три года назад... И все мы – Львы.

- Говорят, рожденные под этим знаком – великодушные люди.

- Да, спокойные, но... все-таки опасные.

- А почему вас называют Адольф Виссарионович Берия?

- Это имя мне придумал Гурам Сагарадзе.

- Это имеет под собой основание?

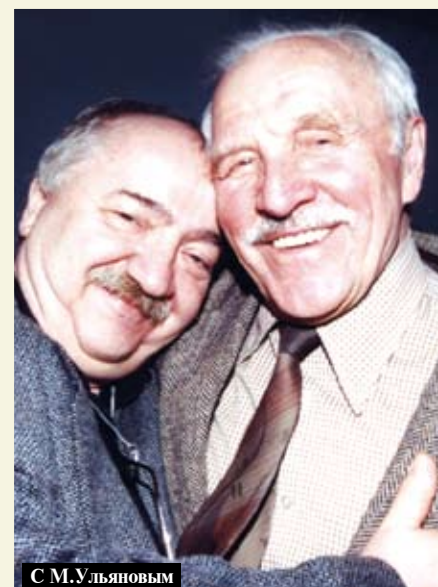
- Спросите об этом у других... Конечно, я скажу, что не имеет.

Инна БЕЗИРГАНОВА

С.А.Калягиным

С.Н.Брегвадзе, В.Лановым, К.Райкиным

С.М.Ульяновым

БРИЛЛИАНТЫ ВСЕГДА В ЦЕНЕ

Весной мы всем классом дружно заболели. Благоволившая к нашему физруку рыженькая доктор – ее спелые округлости лезли из пеннобелого халатика, как опара из квашни, – поставила диагноз: баскетбол. Всей ватагой мы отправлялись на Мтацминду, неся по очереди многострадальный мяч, не зная одышки, вбегали на верхнее плато, где среди скрипа поджаренных на солнце планирующих кузнечиков ждала нас желанная награда – открытая школьным «колумбом» баскетбольная площадка.

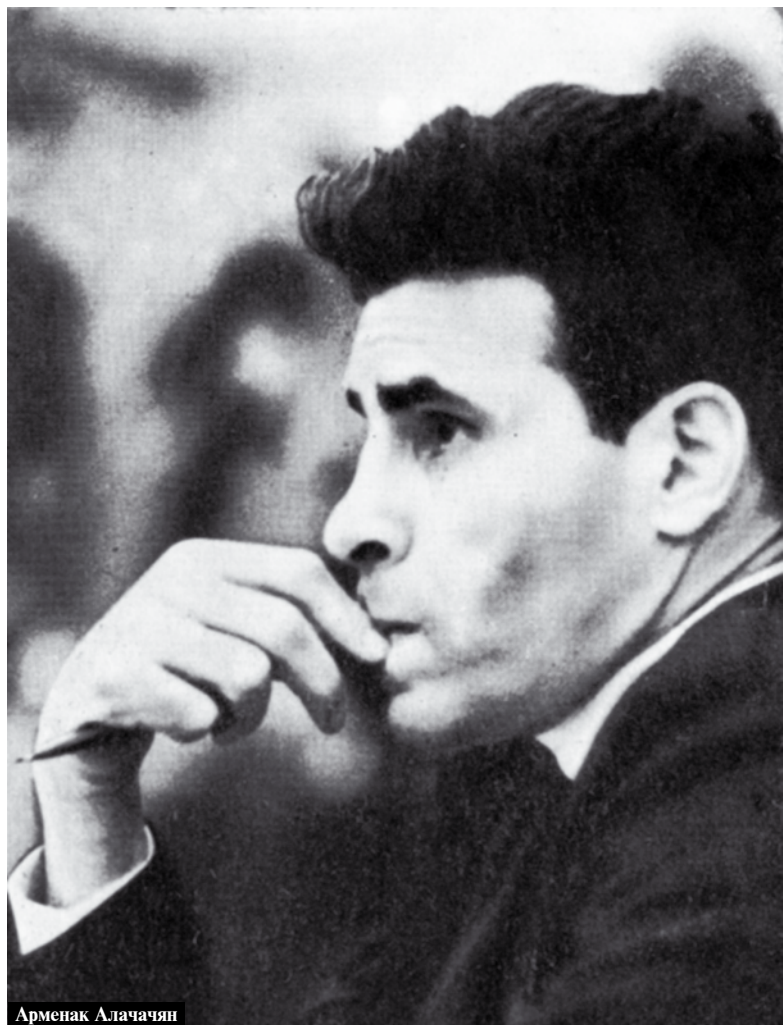
Наша сорок третья школа преуспела в этой игре, придуманной Джеймсом Нейсмитом, преподавателем Спрингфилдского колледжа из штата Массачусетс, став первой в городе. Марку надо было держать. Класс наш – чемпион школы – твердо помнил: не боги горшки обжигают. Воспитанники сорок третьей Леван Инцкирвели и Тенгиз Медзмариашвили, будучи не намного старше нас, играли в тбилисском «Динамо» – одном из ведущих европейских клубов.

А пока, кроме верхнего плато фуникулера, мы облюбовали спортивную площадку в Александровском саду, где обычно решалась судьба городского первенства. Как-то в финале против нашей стартовой пятёрки вышли пять баскетболистов сорок четвертой школы, наши недавние ученики. Не поладив с директором, они вынуждены были уйти. Мы приветствовали их перед игрой как наш филиал, и за свою вольность чуть не поплатились дисквалификацией.

Я запомнил этот эпизод, потому что в перерыве сам отличился: со второго ряда трибуны, забросил в корзину отскочивший мяч – с угла площадки, любимой точки московского армейца Сергея Белова, откуда он забил «золотой» мяч ленинградскому «Спартаку» в решающем матче суперсерии. Только бросок мой был дальше. Мяч по высокой дуге опустился в сетку под одобрительный гул трибуны и реплику капитана школьной команды Джамбула: «Это наш золотой пас».

Через много лет узнаю из газет, что за один сверхдальний бросок одному американскому любителю удалось выиграть миллион долларов, который ему почему-то не выплатили. Так что по части материального поощрения у нас с ним полное равенство, но всякий раз чувствую себя счастливым, вспоминая ту удачу.

Как молоды мы были, целыми днями пропадая в Кировском парке на играх тбилисского тура первенства страны, где блистал Отар Коркия, великий спортсмен с высоким лбом мыслителя, наделенный редкой для баскетболиста силой, как негодовали, когда ему шикали с трибун, мешая пробить штрафные. Но Коркия раз за разом посылал мяч точно в цель. Так же мужественно сражался на хельсинкском стадионе с американцами, которые были сильнее. Коркия играл с вывихнутым большим пальцем правой руки, но именно его, а не американца Клайда Ловелетта, признали

Арменак Алачачян

лучшим центровым олимпийского турнира.

В Тбилиси съехались гранды отечественного баскетбола – москвичи, каунасцы, тартусцы, рижане, но наши сердца безраздельно отданы бедняку – ереванскому СКИФу, команде загадке, чей стартовый – он же основной – состав представлен армянами-репатриантами. Американец Том Мурадян, француз Жан Маркарян, египтяне Абрам Амамджян, Жирайр Минасян и Арменак Алачачян, как мотоциклы «Харлей Дэвидсон», носились по площадке, готовые бросить и попасть в корзину из немыслимого положения, дать скрытый пас – откровение для соперника и нередко для партнера. Они могли бы получить первый приз за красоту игры, если бы, конечно, он разыгрывался. Это мнение Ивана Лысова, капитана знаменитой тартуской команды УСК (университетского спортклуба), одного из самых ярких виртуозов советского баскетбола. Впятером они могли обыграть любую команду и проиграть любой. Их сил хватало на один тайм, не больше.

Слишком коротка скифовская скамейка запасных игроков. Не оказалось больше баскетболистов на борту теплохода «Победа», доставившего в Батуми первую волну репатриантов – тысячи горемык из числа рассеянных по свету. Потом все набились в поезд-тихоход; была не предусмотренная расписанием остановка в малопримечательной местности, но пассажиры высыпали из вагонов. Потомки прирожденных пахарей и скотоводов, воинов и поэтов, познав горечь эмигрантского хлеба, целовали бедную, каменистую

свою землю, плача от радости, что увидят наяву не запятнанную в тысячелетиях белизну Арарата, истекающий голубой кровью жертвенный Севан, неистощимый, как армянское море – безбрежное море; обласкают взглядом спасенные от меча и огня духовные ценности Матенадарана; подобно искателям жемчуга опустятся в каменные волны Гегарда, где глубоко в горах откроется им скрытая жемчужина средневековой архитектуры – творение гения Галдзага.

В начале шестидесятых наша редакция городской газеты получила из Агентства печати Новости очерк «Счастливец» Анатолия Пинчука. Спортивный журналист утверждал: в баскетболе Арменак Алачачян – явление, равнозначное по масштабу Валерию Брумелю, Владимиру Куцу, Петру Болотникову в легкой атлетике, штангисту Юрию Власову. Их имена тогда были у всех на слуху, и автор очерка, кого кое-кто из коллег упрекал в непомерном захваливании Алачачяна, впервые попытался проследить, как начинался этот спортсмен, который беспощадным режимом сам сделал себя звездой. Свой анализ он продолжил в их совместной книге «Не только о баскетболе», собранной под одной обложкой радости и горести большой спортивной жизни.

По удивительной случайности нет в ней рассказа о встрече, за которой я наблюдал с крыши грузинского альпклуба, когда уютный баскетбольный стадион Кировского парка не мог вместить всех желающих. Ереванцам в тот вечер противостояла алма-атинская команда, за которую играл самый высокий человек в нашем баскетболе Увайс Ахтаев, чаще его называли русским именем Вася. Как чеченец Ахтаев оказался в Казахстане – история отдельная, и это не воля судь-

бы, какое-то положение звезд и планет, а злодейская сталинская акция насильственного переселения народов, наиболее ревностные исполнители ее получили орден Ленина. Помню, как на железнодорожном вокзале в Кустанае меня, тбилисского студента, остановили ссыльные ингуши: «Земляк, возьми для нас билеты в кассе. Нам их не продают».

За Ахтаевым ходили гурьбой. Тбилисцы всегда обожали тамашу – забаву, развлечение, а тут к нам пожаловал настоящий «гулливер» ростом за 230 сантиметров. «Гулливер» был достаточно приветлив и покладист, охотно давал

автографы, расписываясь авторучкой величиной с велосипедный насос, и вмещала она не меньше пол-литра чернил.

Вечером я увидел, какой Ахтаев большой спортсмен – в прямом и переносном смысле. Опекать технического гиганта поручили малышу Алачачяну, держать по возможности плотно, не позволяя беспре-

пятственно принимать мяч. Вроде ничего мудреного, но как трудно играть! Господствуя на «втором этаже», Ахтаев полностью хозяйничал и на своем щите, как заправский вратарь, забирая в длинные, загребущие ручища летящие в корзину мячи. Стиснув зубы и не впадая в отчаяние, южане использовали медлительность Ахтаева, который не спеша возвращался на свою половину площадки.

В перерыве меня окликнул мой племянник Вилик. Как все мы, он поднялся по узорам декоративной деревянной решетки альпклуба. От карниза крыши его отделил один шаг, не самый трудный, на который он не решался, уверяя, что ему и снизу хорошо видно. Я до сих пор гадаю: видел – не видел, и как он мог отказать от такого зрелища, а потом переехать в Ереван, в губительные для его большого сердца условия высокогорья и неустроенного быта?! В душный летний день он сопровождал Давида Ланга в поездке к памятным Аштарак, на берегу Касаха остался ждать английского профессора в машине, где его увидели деревенские дети. Когда прибежали взрослые, было слишком поздно...

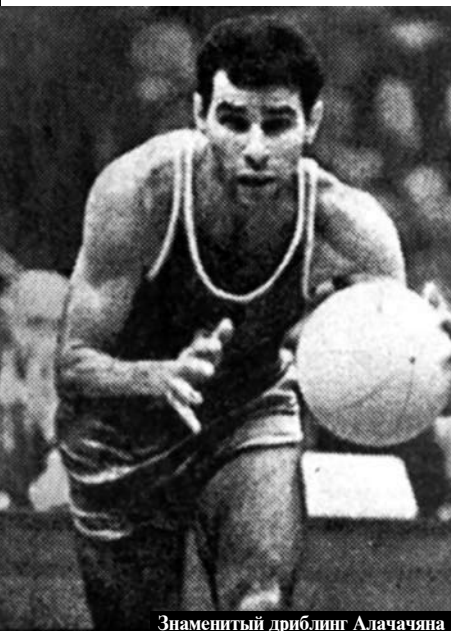
Как мне недостает его, – и с каждым годом все больней – так много обещавшего, не обласканного судьбой. Осталась записка, отстуканная им на пишмашинке, с удивительной лексикой молодого дипломата: «Хочу воспользоваться случаем сообщить, что по сей день решить твой вопрос мне не удастся, но те и другие каналы, по которым я действую, крайне надежные. Твой переезд в Ереван практически возможен, но при условии обеспечения квартирой. Упомянутое условие требует, по словам Н., определенного момента, который позволит сделать тебе вызов. Я в свою очередь просто не решаюсь ставить сроки относительно этого момента, но буду рад оповестить тебя в свете малейшего намека на него».

Потом другое ведомство предоставляло мне интересную работу и квартиру в этом южном городе, но как им объяснять, что без Вилика все потеряло для меня свою притягательность: ходить по улицам, посещать учреждения, где его знали, читать стихи его друга Паруйра Севака, вздрагивать при виде молодых людей, так похожих на него – все это было за пределами моих сил.

Между тем события на спортивной арене шли к развязке. За десять секунд до конца встречи алма-атинцы вели в счете с разницей в одно очко, владели мячом, но случилось невероятное – грубо ошиблись в приеме мяча. Скифовцы мгновенно ввели мяч в игру из-за боковой линии и успели бросить по кольцу. Давид победил Голиафа. Что творилось на трибунах! Буквально скатываюсь с крыши, чуть не повредив себе глаз о невидимую в темноте проволоку.

Трудно поверить, но баскетбол мог потерять Алачачяна. После травмы его отчислили из команды, и, возмнив себя халифом, чиновник от спорта распорядился не оплачивать больничный лист тому, чей пример мог привлечь к занятиям баскетболом сотни юношей и девушек этой небаскетбольной республики.

Арменак обиду не простил, с женой-баскетболисткой Розой Вартанян уехал из Армении, по которой тосковал под чужим небом Александрии, уехал налегке, без денег и какой-либо перспективы в Москву, в тридцатиградусный мороз, как это сделал до него в послевоенные сороковые и уже непороховые моло-

Знаменитый дриблинг Алачачяна

дой чемпион Армении по шахматам Тигран Петросян – в демисезонном пальто и парусиновых туфлях.

Алачачяна взяли в московское «Динамо», а он, продрогший до мозга костей, уехал в благодатную теплынь Алма-Аты, куда звал его Ахтаев, и вскоре уже играл за алма-атинский «Буревестник» и за сборную Казахстана, став соавтором уникального баскетбольного дуэта «Пата» и «Паташона», а потом девять лет защищал цвета ЦСКА – чемпионского клуба, и там не потерялся со своими 174 сантиметрами, оставаясь на первых ролях, не зная себе равных в искусстве подстраховки, в умении дать пас, фантастической выносливости, живя в баскетболе и для него.

По окончании сезона его пригласили в сборную СССР. (Первый свой матч в составе сборной Алачачян сыграл, когда ему не было 23, последний – в 35.) Как он пришелся ко двору самых избранных – история особая. Это только в песне поется, как парня встретила славная семья, всюду были товарищи, всюду были

чян. Не знает, чем он приглянулся Отару Коркия, но относился он к нему – лучше не пожелаешь.

Коркия был покровителем, Лысов – учителем. Лысов и Алачачян – оба разыгрывающие. У старшего за плечами два чемпионата Европы и Олимпиада. С необыкновенным тактом и доброжелательностью Иван Федорович наставлял молодого: делай как я, делай лучше меня. Хотя знал, преимущество на стороне молодости. Так оно и вышло. Алачачяна оставили в команде, его учителя – нет.

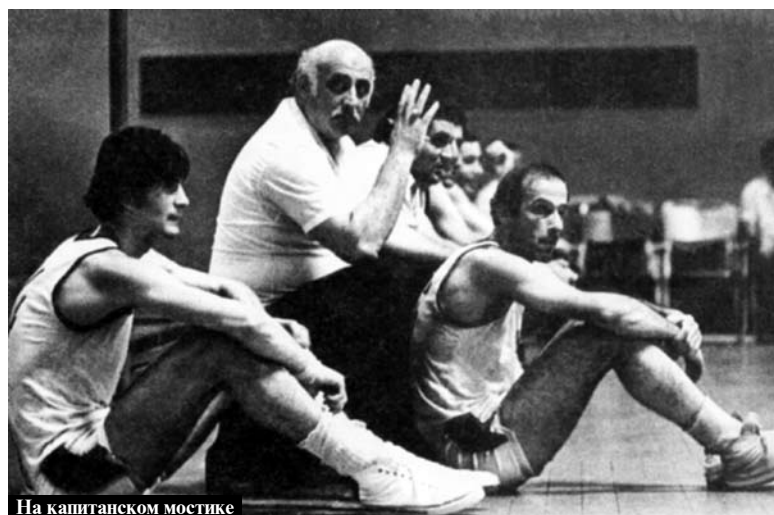
Капитан сборной СССР в игре

друзья. Огромная страна СССР, а мест в «основе» сборной всего 12. Претендентов 25, на тренеров давит гипноз старожилы команды – чемпионы Европы. Отношение к дебютанту в условиях ожесточенной конкуренции прохладное. На счастье, в сборной-53 нашлись два игрока, которые, опекая его порой даже сверх меры, помогли стать на ноги.

Двумя добрыми ангелами-хранителями Арменака были Отар Коркия и Иван Лысов. Коркия себя в игре не щадил, рядом с ним стыдно было играть вполсилы, праздновать труса. Не было в нашем баскетболе игрока, который пользовался таким авторитетом, как этот сероглазый гигант из Грузии, вспоминал Алача-

Отар Коркия с Кубком Европы

На капитанском мостике

В том году Алачачян выиграл золотую медаль чемпиона Европы, первую из своих четырех, и на всю жизнь сохранил величайшую благодарность двум лидерам команды – великим баскетболистам и великим личностям.

В апреле 1964 года после встречи сборных СССР и США, которую он отыграл с травмой, тренер американцев Джон Маклендон назвал его лучшим на площадке среди хозяев. По просьбе корреспондента «Советского спорта» Маклендон сравнил понравившегося ему советского защитника с легендарным Бобом Коуси из «Бостон Селтикс», который одиннадцать лет входил в символическую пятерку НБА.

После долгой паузы Маклендон сказал: «В нападении, конечно, сильнее Коуси... В защите, пожалуй, Алачачян... Алачачян побыстрее... У Коуси лучше дриблинг... Пас хорош у обоих...» И подводя итог, заметил: «Все-таки Коуси посильнее...»

После Олимпиады в Мехико Анатолий Пинчук как-то разговорился с Александром Гомельским, тренером сборной СССР. Говорили они о поражении команды в полуфинале от югославы, что назвали самой крупной сенсацией Игр. И вдруг, скорее себе, чем журналисту, Гомельский сказал с досадой: «Чего простить себе не могу, так это того, что не взял в Мехико Алачачяна!» Журналист делает два маленьких комментария. Алачачян перестал играть за год до Олимпиады. В ту пору, когда состоялся этот разговор, Гомельский в силу ряда причин относился к Алачачяну довольно сдержанно.

В семидесятых годах потерялись следы Алачачяна – был человек и нет его. Ходили слухи, что он переехал в Канаду к сестре, тренирует национальную сборную, кто-то видел его в Панаме, работающим на бензозаправке, и даже умер от инфаркта.

И не узнали бы правду никогда, после двадцати лет полного замалчивания имени легендарного защитника, игрока сборной СССР и ЦСКА 50-60-х годов, если бы не случай.

На чемпионате мира 1994 года в Торонто второй тренер российской сборной Алжан Жармухамедов, возвращаясь с тренировки, проговорился в автобусе московскому журналисту Владимиру Титоренко: вот где-то здесь, в деловом центре, находится офис Алачачяна, его фирмы по покупке и продаже драгоценностей.

Тогда стали известны подробности исхода знаменитого шестого номера советской сборной и тренера ЦСКА. И как жаль, что о нем не знали Сильва Капутикян и Зорий Балаян, написавшие две книги об армянских диаспорах США и Канады.

Причина отъезда Арменака прозаическая – многолетний изнурительный пресс КГБ за отказ работать на них. Для гэбистов Алачачян – спортсмен экстра-класса, имеющий много друзей во всем мире и знающий пять языков: английский, французский, русский, армянский и арабский, представлялся уникальным агентом, но он стукачом быть отказался; став невыездным, на долгие годы отлучался от сборной СССР и официальных международных матчей ЦСКА. Помогло заступничество болельщика за баскетбол министра обороны Андрея Гречко, да и то не надолго.

Ржа железо ест, и Алачачян психологически сломался, оставил работу в престижном клубе, три года тренировал в детской спортшколе, начал готовиться

к отъезду. Брежнев бумаги подписал, не препятствуя воссоединению семьи.

За океаном Алачачян отказался от выгодного предложения работать тренером в США, где его помнили и знали ему цену, но это означало бы новую разлуку с семьей. Он предпочел паркинг, обслуживание автомобилистов, повторяя судьбу многих состоявшихся миллионеров, четыре года работал, зарабатывал неплохо, хотя неудовлетворенность осталась.

Ему всегда везло на добрых людей.

Алачачян вспоминал, как однажды встретил друга из Грузии, который имеет в Канаде бизнес на золотых украшениях и взялся научить своему делу бывшего баскетболиста; как он пошел на выручку. Получал всего 400 долларов в месяц, но друг говорил: терпи, все окупится во сто крат.

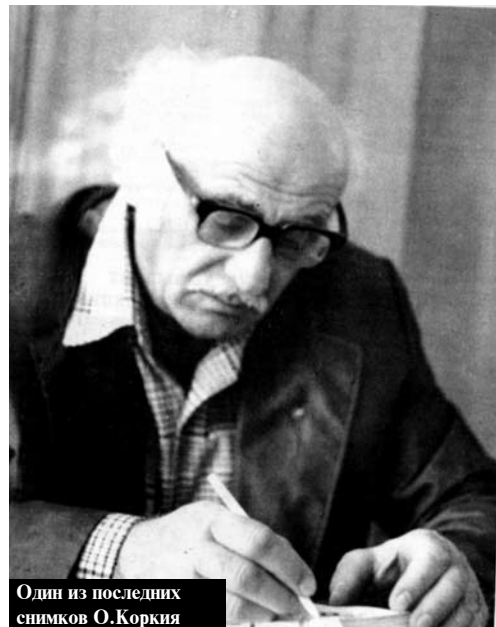
И снова ему крупно повезло. Жил в Монреале его знакомый еще с египетских времен. И этот знакомый свел его с миллионером из Лос-Анджелеса, который видел по телевизору игру армейца на Кубке чемпионов в Милане и запомнил его, предоставил кредит – золотых украшений на 50 тысяч долларов. Алачачян вернулся домой в Торонто, сложил золото в чемодан и отправился по магазинам, предлагая товар и называя свою цену. Через два дня он все продал, а когда подсчитал выручку, узнал, что заработал 5 тысяч долларов.

Так начался его золотой бизнес. Бриллианты ведь вечны, и занимается ими лично хозяин ювелирной фирмы, одной из самых процветающих в Канаде.

Леонид Брежнев, как все Ильичи, оказался не таким добрым дедушкой, каким рисовался. Система не простила Алачачяну отступничество и добровольную сдачу партийного билета. В семьдесят пятом, через год после его отъезда, в московском издательстве «Физкультура и спорт» вышел энциклопедический справочник «Звезды спорта» – судя по аннотации, о лучших спортсменах Советского Союза и выдающихся зарубежных. Справочник содержал около двух тысяч биографических справок, но в нем не нашлось места для Арменака Алачачяна, заслуженного мастера спорта, обладателя серебряной медали Токийской олимпиады и медали «За выдающиеся спортивные достижения», восьмикратного чемпиона СССР, четырехкратного чемпиона Европы.

Так Система сама себя высекла.

Бриллианты действительно всегда в цене, и, как утверждает пословица, цену золота знает золотых дел мастер.

Один из последних снимков О.Коркия

Арсен ЕРЕМЯН

ОСЕННИЙ ВЕЩИМ ЗНАКОМ

К 85-летию со дня рождения
Георгия Маргвелашвили

«Время чрезвычайно тесно, а мозги, как кувшин с водой, надо беречь, чтобы не расплескать мысли. Необходимо писать, словами и образами можно беременеть... Чтобы писать – надо никуда не спешить и беречь свой кувшин мозгов, не расплескать...»

Борис Пильняк.
«Расплеснутое время»

Для кого-то литература – это управляемое сновидение (Х.Л. Борхес), для кого-то она всегда ностальгия (В.Аксенов). Гия Маргвелашвили ею жил.

Творчество грузинских поэтов, стихи о Грузии русских собратьев, переводы с грузинского на русский и дальнейшая популяризация их творчества... Сколько русских имен благодаря ему узнали в Грузии, сколько грузинских открытий им для России!

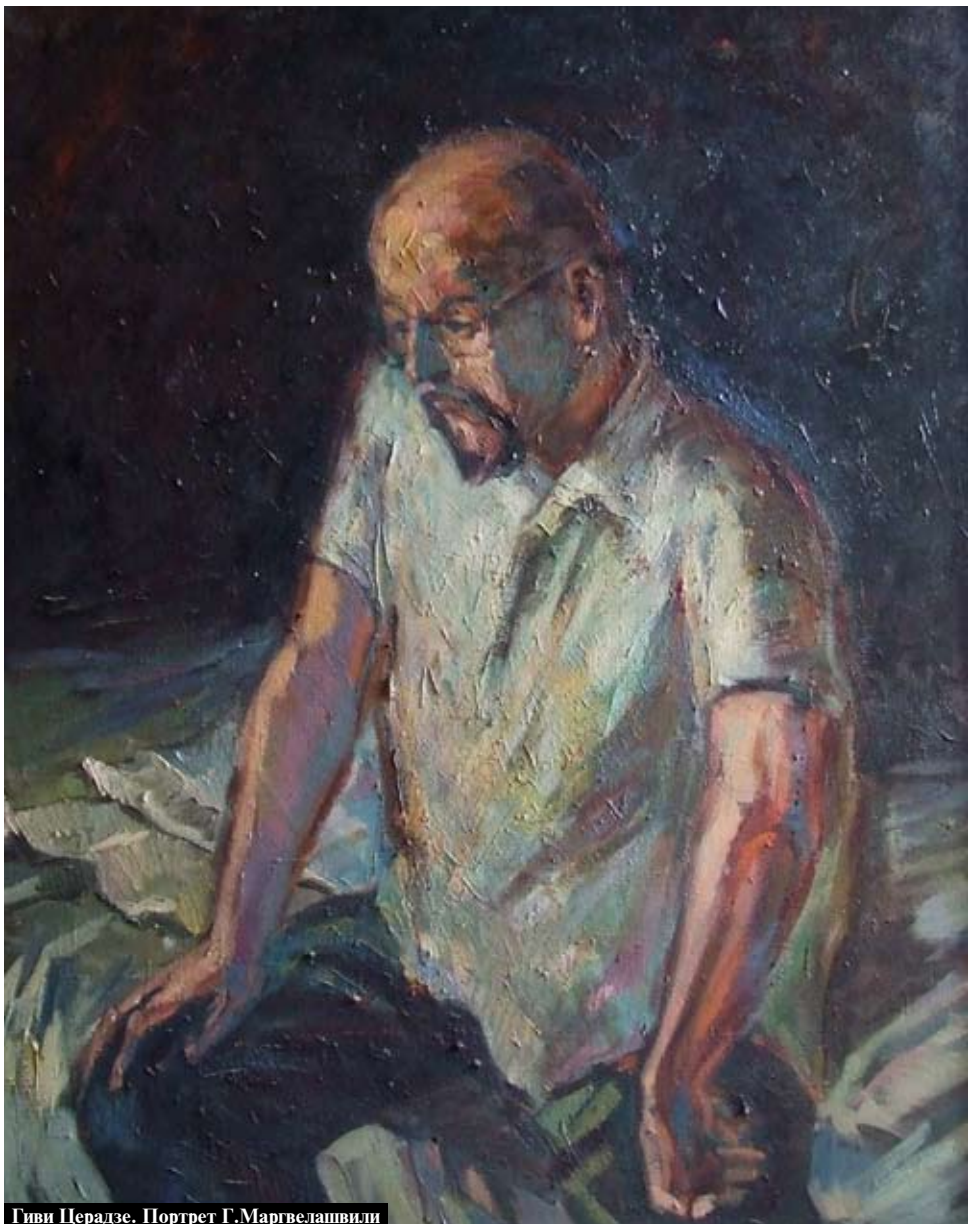
Но вернемся к началу...

Над каждой страной дуют свои ветры... Ветры человеческих судеб... Кто только не испил чашу сию в эпоху революций, войн...

Родители Гии Маргвелашвили выстояли. Мать, Александра Дарахвелидзе, революционерка, дважды была репрессирована. Отец, Георгий (Гриша) Маргвелашвили, врач, по редкой случайности тогда избежал этой участи.

В 1923 году родился будущий публицист, литературный критик и переводчик Георгий Маргвелашвили.

Окончание школы (первая средняя г.Тбилиси) совпало с началом войны. Из-за сильной близорукости Гию не взяли на фронт и он работал на Кировском заводе токарем. Затем поступил на филологический факультет Тбилисского университета, где и познакомился с Этери Думбадзе, подругой и соратником всей жизни. В этот период – середина 40-х годов – Гия и Этери участники тбилисского кружка «МОЛ» – «Молодые литераторы». Руководил ими Георгий Владимирович Крейтан, потому и литературные чтения их называли «крейтаниками». Членами группы были Николай Шахбазов, супруги Гус-

Гиви Церадзе. Портрет Г.Маргвелашвили

тав Айзенберг (Анатолий Гребнев) и Галина Миндадзе, Тадевос Бархударян (Федор Колунцев), Седа Григорян, Элла Маркман, Виль Орджоникидзе, Борис Резников, Нана Горенбург.

В 1947 году Георгий Маргвелашвили – студент только что открывшегося московского Литературного института им. А.М. Горького. Аспирантура. Чтение лекций в Литинституте. Работа ответственного секретаря в журнале «Дружба народов» и «Литературной газете».

По возвращении в Тбилиси работает в отделе критики журнала «Мнатоби» («Светоч»). С 1968 года он ведущий научный сотрудник Института истории грузинской литературы имени Ш.Руставели АН Грузии. В течение двух лет автор рубрики «Малая антология советской грузинской поэзии» на страницах республиканской газеты «Соплис цховреба» («Сельская жизнь»). И вот, журнал «Литературная Грузия», где им основана рубрика «Свидетельствует вещий знак» – детище, постоянно требующее гражданского мужества.

В 2006 году в ежеквартальном журнале «КОРОС-ТЕЛЬ. Письма из России» в рубрике «Гость» были опубликованы стихи тбилисского поэта Владимира Саришвили со вступительной статьей соредатора, переводчика и поэта Владимира Леоновича:

«Приветствуя поэта, добрым словом помянем Георг-

гия Маргвелашвили, «дядьку» русских поэтов, многих и разных, – от Беллы Ахмадулиной до Светланы Кековой.

«Свидетельствует вещий знак» (Есенин) – под этой орифламмой «Литературная Грузия» опубликовала добытые Гией стихи официально «мертвых и хулимых» Мандельштама, Пастернака, Цветаевой, Ахматовой, Нарбука, Лифшица, Заболоцкого – вместе с вещами молодых...»

Каким же «дядька» русских поэтов запомнился своим современникам?

Вот одно из посвящений Беллы Ахмадулиной из сборника «Сны о Грузии» (редактор-составитель Георгий Маргвелашвили):

«Спасибо, мой Гия. Мной принят намек./ В моем сновиденье зияют ошибки./ но смысл его прост: ты покинуть не смог/ мой сон без твоей неусыпной защиты».

Осененные вещим знаком его поэты – коллеги, друзья, единомышленники. Он писал с них литературные портреты, незаказные, импровизированные очерки, где присутствовал сам, чутко чувствующий. Благодаря этому многие его любимцы запоминались и как итог этому в свет выходили томики их стихов. Ушел портретист, но память в книгах осталась и по сей день жива.

Наверное, кто-нибудь из современных публицистов, следуя за модой, назвал бы его имиджмейкером. Он «взрастил» целую плеяду молодых поэтов и переводчиков: Леонид Темин, Наталья Соколовская, Светлана Кекова, Анна Бердичевская, Светлан Семеновна, Алла Беридзе, Екатерина Квитницкая, Дмитрий Беридзе...

Одна из его книг – «Свет поэзии». Для Гии было необходимо не только самому ощущать его, но и передавать другим. Эпиграфом к вступительной статье об Осипе Мандельштаме стали строки поэта: «... И у звезд ты учишь/ Тому, что значит свет».

Гербертом Уэллсом написан философский рассказ «Зеленая калитка». Есть человек, а в его жизни случается разное – и горе, и радость. И однажды, идя по улице, перед ним на обычном заборе возникает зеленая калитка, а за ней – дивный сказочный сад.

В своем выступлении на Декаде грузинской литературы и искусства в Москве (1958) Евгений Евтушенко сравнил грузинскую поэзию с такой вот калиткой: «Где бы вы ни были, она всегда гостеприимно светится перед вами...»

Такой же калиткой для многих стал дом Гии Маргвелашвили, который помогал зажечь в жизни поэтов зеленый свет.

«Хранить на земле человечность» – так названа одна из многочисленных литературных статей Гии. Это стало призванием жизни.

Двери их дома на улице Барнова (сегодня И.Абашидзе) всегда были открыты для гостей... Сюда приезжали найти человеческое тепло и счастье узнать Грузию. Здесь так любили принимать. Гостеприимный дом, где каждый чувствовал себя не гостем, а родственной душой семьи Маргвелашвили-Думбадзе. Здесь подолгу гостили приезжие поэты Илья Дадашидзе, Владимир Леонович,

Этери Думбадзе

Ян Гольцман, Александр Величанский...

На чашку чая – поговорить, почитать, послушать – собирались тбилисские друзья: Кирилл Зданевич, не последовавший за братом Ильей за границу (и потому

Георгий Зурабов. «Парнас»

не избежавший репрессий); Давид (Додик) Давыдов, талантливый фотограф; Татьяна Шевякова, художник-искусствовед, влюбленная в Грузию, автор многих копий грузинских фресок; художники Георгий (Жора) Зурабов и Лери Чочиа, Гаянэ Хачатурян; поэт и переводчик Александр (Шура) Цыбулевский; актриса Медико Лордкипанидзе; ближайшие друзья дома Нина Беридзе и замечательная пара Борис и Алла Парцхаладзе; редкие, но дорогие москвичи Константин Симонов, Булат Окуджава, Андрей Вознесенский, Евгений Евтушенко, Белла Ахмадулина с супругом Борисом Мессерером...

Наверное, одними из последних в Тбилиси Гия и Этери приобрели телевизор. Они предпочитали разговоры живых людей, походы в живой театр. Их можно было видеть спешащими к друзьям – Эличке Ахвледзиани или Вахтангу Чабукиани. Всегда ласковые друг к другу, всегда под руку.

А книга «Искусство слова. Слово об искусстве» – их совместный сборник очерков и статей – дань друзьям.

В течение многих лет Гия состоял членом Международной ассоциации литературных критиков. На стажировку к нему в Тбилиси приезжали литераторы, переводчики Серена Витале, Луиджи Магаротто и другие.

Впоследствии стало известно, что Маргвелашвили неоднократно присылали приглашение на участие в конференциях, но ему об этом даже не сообщали. Лишь в 1974 году, пока ассоциация не выдвинула требование: никого кроме Георгия Маргвелашвили не присылайте, ждем только его, Гие сообщили о предстоящей поездке.

«Меня вызывают в Италию», – озадаченно-разочарованно сказал он домашним.

Последним в свою очередь пришлось буквально насилу вытолкать этого традиционно-образцового домоседа. Этери и полный дом гостей были его крепостью.

«Наш остров в океане» – так назывался семейный альбом, куда вклеивались Гии и общих друзей посвящения Этери, а еще старые фото, зарисовки друзей и безобидные карикатуры.

«Лурджа – сказочный конь. Его обладателю он приносит счастье – победу над врагом, богатство, радостную жизнь...» Это из рецензии Гии Маргвелашвили на фильм молодых режиссеров Тенгиза Абуладзе и Резо Чхеидзе «Лурджа Магданы» (1955 год).

Наверное, для семьи Гии таким Лурджей были животные, которые на правах любимцев заселяли многолюдную, шумную квартиру на Барнова. Этери и Гия подбирали бездомных больных собак и кошек, подлечивали, подкармливали, а потом оставляли насовсем.

Нельзя не вспомнить о фильме 1971 года «Жил певчий дрозд» Отара Иоселиани, трогательную драму о суете сует, где в одной из сцен задействован и Гия (режиссер пригласил на роли непрофессионалов) – в роли трогательно добродушного инспектора оркестра. Главный герой бежит-спешит по жизни, несерьезно

Г.Маргвелашвили,Б.Ахмадулина, П.Антокольский, К.Лорджишанидзе. Тбилиси, начало 60-х гг.

разменивает ее и себя, откладывая все на потом. А «потом» не стало: он, «певчий дрозд», нелепо погибает.

В конце фильма время мифологизируется и судит героя... Но нужно помнить: пока еще в запасе песок времени, надо жить полной жизнью, не терять ни секунды.

«Словно прахом всех лет прожитых,/ он страницами стол забросал./ Ветер дул, и, пока не затих,/ человек все писал и писал...» (Отар Чиладзе, перевод Е.Евтушенко)

В 1973 году выходит «Галактион Табидзе. Лирика» (Гия соредатор), куда вошли многие переводы самого Маргвелашвили. Галактион был его кумиром.

«Вот сижу и пишу. Лунный свет – словно дым./ И колеблет свечу ветерок-нелюдим.../ Внемлем гласу судьбы – я и ночь, я и ночь...» (пер. Г.Маргвелашвили).

В 1983 году под его редакторством вышел сборник «...Если пелось про это» (Грузия в русской советской поэзии), составителем был Константин Симонов.

Старшие друзья Маргвелашвили, собравшись по перу – историк Павле Ингорюк, поэты Симон Чиковани, Гогла Леонидзе. Это была священная зона для Гии.

До последних дней своей жизни Маргвелашвили работал над расширенным сборником с новыми переводами Леонидзе. Сборник был готов к изданию с его предисловием, но буквально в день похорон Гии,

сборник вышел, но ... со вступительным словом другого автора.

Гия Маргвелашвили будучи больным (в последние годы его диабет обострился) не давал себе расслабиться, продолжая осуществлять свои замыслы.

Дружеские отношения связывали семью Маргвелашвили с Надеждой Яковлевной Мандельштам, дочерью Бальмонта – Ниной Константиновной и сестрой Марины Цветаевой – Анастасией. В 1988-1989 гг. перед уходом им была подготовлена подборка очередного «Вещего знака», куда должны были войти произведения и Аси Цветаевой. Но новое «свидетельство» в «Литературной Грузии» так и не увидело свет даже после смерти Гии.

То же самое постигло очередную книгу серии «Россия – Грузия. Сплетение судеб. Век XX» о Борисе Пастернаке. В редакции рукопись книги бесследно исчезла. Все старания дочери, Лали Маргвелашвили найти материалы оказались безуспешными.

Порой время предстает как живой организм, течет оно и изменяется. А дальше что? Бесконечность... Infinitum... Мы можем сказать, что настоящее – последний день прошлого, завтра зарождается сегодня, минута назад – это прошедшее, а минута следующая – будущее. А еще время бывает непросто. Но разве когда-нибудь оно было простым для людей творчества? Испокон веков литература была в зависимости от бега времени. И рождались герои не нашего времени, и не было пророков в своем отечестве, и всегда вставал вопрос – кто же судья судеб литературных? И когда они низвергнуты, поправлены, замолчаны, запечатаны тридцатью девятью печатями, как быть? Как выстоять в таком времени? Современные поэты следуют давней доброй традиции – приезжать в Тбилиси и переводить грузинскую поэзию.

Из поэтической книги Е.Евтушенко «Тяжелее земли», которая начинается со стихотворения «Мой Тбилиси» – знаменитого посвящения Гие, редактору-составителю сборника: «Кто уезжал, тот знает непреложно –/ уехать из Тбилиси невозможно./ Тбилиси из тебя не уезжает,/ когда тебя в дорогу провожает».

Рукописи не исчезают, они остаются потомкам доказательством тому, что время имеет не столь объемлющую власть. И таким образом, писатели не дают человечеству превратиться в «машину забвения».

В 1989 году, в 65 лет Гии не стало. Из Москвы приходили телеграммы: «Нас будет намного меньше без Гии» – писатель и поэт Виталий Коротич, «уходит наша тбилисская юность» – драматург и киносценарист Юлиу Эдлис, «какая страшная несправедливость» – поэт Булат Окуджава. Проводить в последний путь приехали Евгений Евтушенко, Светлана Семеновна, Ян Гольцман...

В следующем году исполнится 20 лет как его нет с нами.

В своей автобиографии Гия писал: «Бескорыстные самоотдачи – главный для меня смысл и урок жизни моей матери». Эти смысл и урок Гия оставил в наследство новому поколению.

В царство теней на свое новоселье/ Перенесусь, словно вихрь, на лету.../ Изнемогая, покой обрету... (из галактионовского «О, богородица, дева Мария!» в переводе Г.Маргвелашвили)

На картине Жоры Зурабова (она условно названа «Парнас») за красочным столом сидят улыбающиеся, веселые Гия, Этери, Шура Цыбулевский. Удивительная по гамме красок картина насыщена энергетикой доброты и любви. Парнасовцы ушли, но грусти нет. Они остались в вечном свете поэзии.

Алена ДЕНЯГА

Георгий Маргвелашвили (1923-1989)

Публикуются впервые

А я тебя и не корю
За слишком раннюю зарю,
Досрочную Аврору.
Но снова суета сует,
Как исстари, сведет на нет
Все, что открылось взору.

Начну на помощь призывать,
Молить судьбу и бога
Явить такую благодать,
Чтоб можно было удержать
Хоть что-то, хоть немного.

И я скажу – давно пора
Вернуться к тем мерилам,
Во имя коих нам вчера
Жизнь кое-что дарила –
Слезу на кончике пера
И натюрморты на гора –
Зданевича Кирилла.

Ведь хуже выйти все могло б? –
Я не ослеп и не оглох,
Пишу о Тициане...
И с нами Шостакович, Блок,
И снова тянет с нас оброк
Вахтанг Чабукиани,
И согласишься, не так уж плох
Наш остров в океане.

И в этой комнате старинной
При свете свечи стеаринной
Застали Баха мы врасплох.
Он нам поведал на органе
О том, что в Галилейской Канне
Звучал ЕГО последний вздох,
Что он подслушал это эхо
И нам на радость, на утеху
Навеки заключил в клавир,
Чтоб в этой комнате старинной
При свете свечи стеаринной
Мы обрели покой и мир.

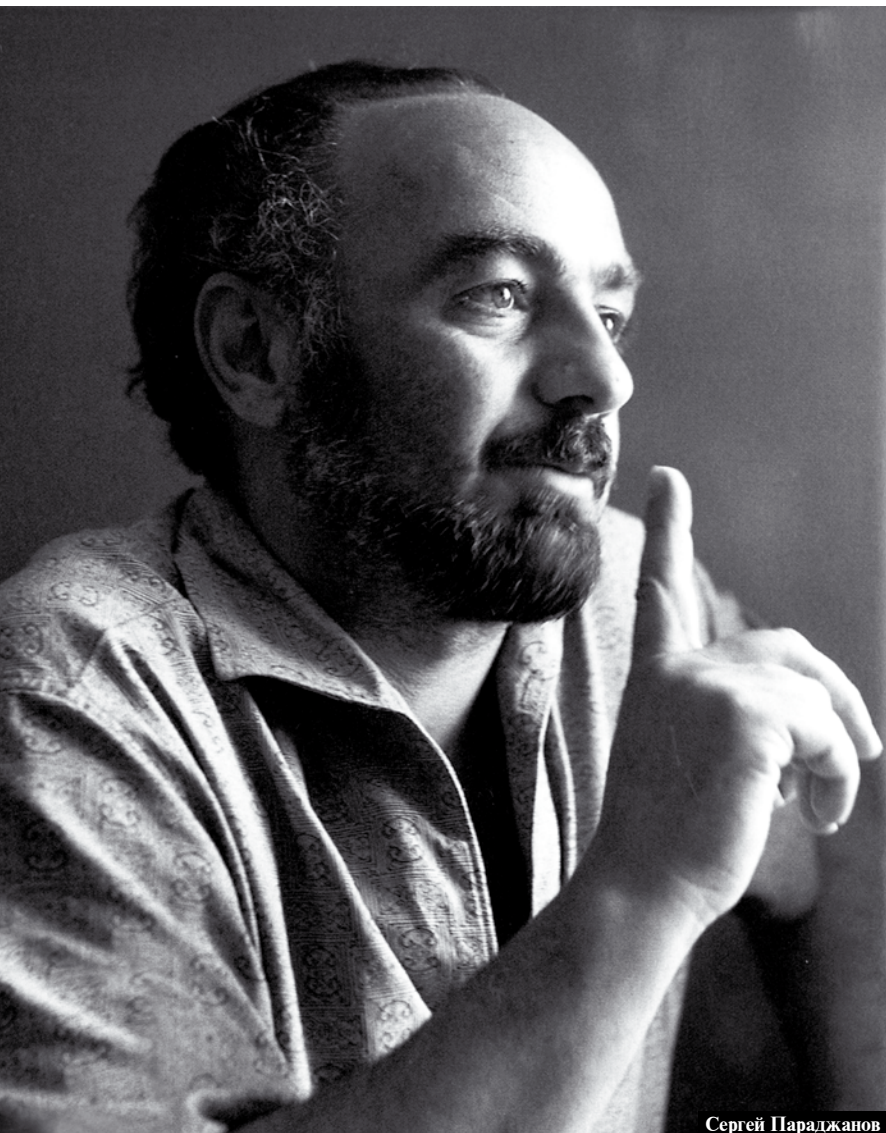
Все замерло. И время не текло,
Оторопел и сдавшись мне на милость.
Не трогался состав, и ты томилась,
Поглаживая мутное стекло.

Какая-то извилина моя,
В пятиминутье сжав десятилетия,
Перемотала наспех междометья,
Которыми когда-то бредил я.

Я знал: нам грех не быть в одном купе.
И если нужен был последний довод,
Он подвернулся, как предлог, как повод,
И протянулся от меня к тебе.

«И проводы, как провода!» – мелькнув,
Задела память тень любимой строчки,
Но гонг вокзальный ей не дал отсрочки,
И по гнезду ударил медный клюв.

И тронулся состав. Мой смех, твой смех
Был виден, но не слышен. Я очнулся.
Не ты качнулась, это я качнулся,
Платформу покидая раньше всех.

Сергей Параджанов

ЧЕЛОВЕК ИЗ СНОВИДЕНИЙ

В Тбилиси много крутых узких улочек, и большая часть из них ведет к подножию Святой горы, или, как называют ее грузины, «Мама Давити», горе Святого Давида. По одной из них, пожалуй, самой крутой, тяжело фырча и отдуваясь, как астматик, полз мой рыжий жигуленок, и я с ужасом наблюдала, как мощенная булыжником улочка становилась все круче, все отвесней... «Сюда» - мой приятель, художник Марк Поляков, указал в какой-то тупичок, и я перевела дыхание. Передо мной стоял старенький трехэтаж-

ный деревянный домик с ветхим длинным балкончиком, опоясывающим его по всему фасаду. Железные ворота, крутая лестенка, ведущая на третий этаж и, наконец, подслеповатая дверь комнаты, в которую мы постучались. - «Можно?» - я заглянула внутрь и онемела - я попала в фантазмагорический сон: развешанные по стенам яркие, даже аляповатые картины, коллажи, украшения, композиции из перьев, кружев, что-то пестрое, чарующе-непонятное в богатых рамах занимало все пространство маленькой комнатки. Рядом со всем этим - в натуральную величину, совершенно реальное - облезлое кухонное окно, крест-накрест перечеркнутое бумажными полосками, стоящая, так знакомая мне с времен войны, керосинка с закопченным слюдяным окошечком, высушенная низка красного перца на гвозде - обязательный аксессуар грузинской кухни, немного лобию в стеклянной банке и целлулоидный младенец-кукла в серых бесформенных лохмотьях - дитя войны - сидит на окошке, неестественно склонив набок голову... Коллаж «Эхо войны». Я не сразу поняла, что попала в театр...

Посреди комнаты - большой четырехугольный стол, вокруг - люди, на столе очень живописный арбуз на очень живописном блюде, конфеты, фрукты, сладости, вино. А на стоящей тут же полузастеленной кровати сидел плотный, ярко черноглазый мужчина с седой короткой бородой с черными подпалинами на щеках, в какой-то косоворотке, смутно напоминающей ночную рубаху, - Сергей Параджанов.

- Прошу! - и он широким жестом пригласил нас к столу. - Что, тоже торт притащили? Господи, хоть бы кто догадался мне гречневую кашу сварить - ведь у меня диабет! И так каждый день - торты, арбузы, а я как беспризорная собака!.. Так и подойти долго...

Он говорил без тени юмора, совершенно серьезно, возмущенно, с горечью.

Ему нравилось чувствовать себя несчастным.

Потом он подсел ко мне:

- А ты знаешь, что у тебя гениальная мама? Гениальная! - он потряс у меня перед носом толстым указательным пальцем. - Я не пропустил ни одного ее спектакля! Да! - Потом, покосившись на меня, спросил: - А ты? Что ты делаешь в жизни? В ГПИ преподаешь? Русский язык? Нашла чем заниматься!

Я поняла, что чем-то раздражаю необычного хозяина и ему хочется меня обидеть. Потом он вдруг сменил гнев на милость.

- А я твою тетю тоже помню. Она на улице Дзедзедзе жила. На первом этаже. Всегда в окошко выглядывала. Вот так...

Он поискал глазами бумагу, не нашел, оторвал от

картонной папки обложку и фломастером набросал, приговаривая:

- Декольте большое, руки скрестит под грудью, вот так... На голове шляпка – она замечательная шляпошница была, я о ней даже в своей «Исповеди» пишу: «В шляпках от мадам Бауэр...» Вот так – сама маленькая, толстенная. А ножки на высоких каблуках, вот... они переливались через туфлю. - Он нарисовал пухлую женскую ножку и, довольный, ухмыльнулся. - Я тогда совсем мальчишкой был, а помню. А шляпы я тоже умею делать!

Действительно, шляпы работы Сергея Параджанова были потрясающей красоты и фантазии. Он строил их – буквально сооружал! – из самого неожиданно материала: соломы, парчи, капроновых обрезков,

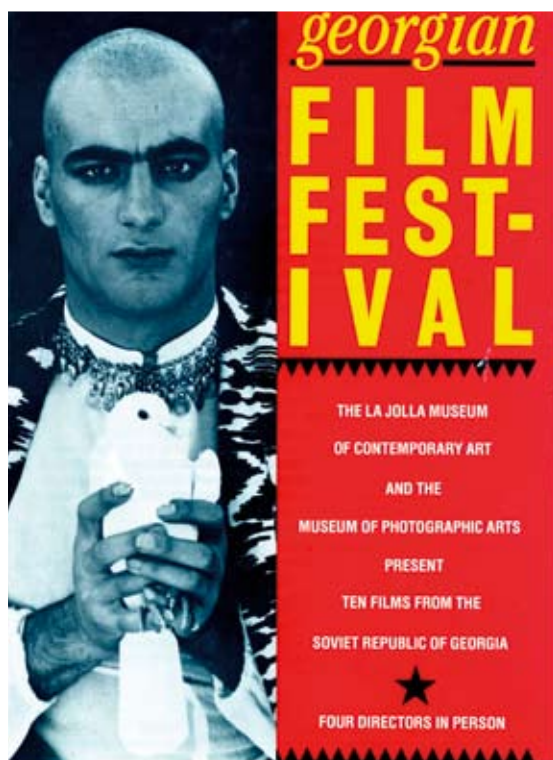
разве что на карнавале, но ведь и все искусство Сергея Параджанова разве не карнавал и не праздник? Похоже, он и сам чувствовал себя некой маской на маскараде жизни.

Вот он стоит в третьем ряду кресел в оперном театре в Тбилиси в переполненном зале, и вдруг видит мою маму (к тому времени уже балетмейстера-репетитора), занявшую свое режиссерское место в амфитеатре. Повернувшись спиной к сцене, театрально воздев в приветствии руку, он на весь зал громко кричит: «Приветствую гениальную балерину Марию Бауэр!» Публика начинает вертеть головами в поисках «гениальной балерины», мама от ужаса почти сползает со своего кресла, а Сережа, послав ей воздушный поцелуй, довольный, садится на свое место.

Ему нравилось шокировать публику и постоянно играть какую-то роль: то капризного ребенка, то циничного процелыги, то всеми обижаемого, без-

сушеных ягод и цветов, кожи, старинных кружев, птичьих перьев, позолоченного бог знает чего, и вся эта роскошь, покрашенная, обсыпанная толчеными елочными игрушками, увитая ветхой вуалью, золотой тесьмой и нитями жемчуга – поражала воображение. Некоторые шляпы он дарил дамам, вызвавшим его эксклюзивное внимание: Алле Демидовой, Лиле Брик, Инне Катанян... Конечно, носить их в повседневной жизни было бы невозможно,

SHOWN IN SHERWOOD AUDITORIUM AT THE LA JOLLA MUSEUM OF CONTEMPORARY ART

защитного простака.

На похоронах своей сестры (она жила на этом же этаже, но Сергей – у него был непростой характер! - долгие годы с ней не разговаривал) он стоял в числе «скорбящих» и принимал соболезнования. Эта роль, видимо,

раздражала его – тбилисские похороны своего рода традиционное театральное действо. Моя приятельница, стройная дама с пышным бюстом, подошла к Сергею выразить, как положено, соблезновения, поцеловала его в небритую щеку и отошла совершенно оторопелая.

- Он что, ненормальный? - тихонько спросила она меня.

- А что?

- Он прошептал мне на ухо: «Признайся, у тебя свой бюст или ты что-то подкладываешь?» Я чуть не рухнула там же...

Это было вполне в его стиле.

Однажды я привела к Сергею свою соседку, которая хотела продать старинную восточную кашемировую шаль. Дело в том, что отец Сергея был коммерсантом, и в разговорах о «купить-продать», «что и почем», «антиквариат, фирма, комиссия, караты» прошло все его детство. Он разбирался в картинах, кружевах, мехах, бриллиантах, коврах, фарфоре, он просто любил держать в руках красивые старинные вещи: перстни, канделябры, тарелки. Ощупывать их, перебирать; еще больше любил дарить из широким царским жестом каким-нибудь знаменитостям.

И вот – наш визит со старинной керман-шалью.

Сергей лежал в постели и, сказавшись очень больным, не хотел никого принимать и ничего смотреть. Однако смилостивился, впустил нас и позволил кудахтать вокруг себя: подать воды, поправить подушку, послушать свои стоны... Наконец, слабым голосом сказал:

- Ох, умираю... Ну, покажите, что там у вас...

Соседка развернула перед ним свой сверток, и вдруг глаза Сергея сверкнули охотничьим огнем. Он приподнялся, взял ее за руку – на пальце у Наны был старинный бриллиант-солитер: «Какая прелесть! Карата три, не меньше, да? Не продашь?»

Потом снова бессильно откинулся на подушки и застонал: шаль его не заинтересовала.

В 1985 году в фойе Союза кинематографистов Грузии открылась первая выставка работ Сергея Параджанова «Бал в мастерской художника» - выставка эскизов, рисунков, инсталляций, коллажей, сопровождаемая костюмированным представлением.

Коллажами у нас в стране, пожалуй, никто не занимался так всерьез, как Параджанов. Его работы были так красочны, темпераментны и неожиданны, что я запомнила их на всю жизнь. Материалом к ним служило буквально все – от стоптанной старомодной дамской туфельки до живописных осколков чайного сервиза, от поломанного веера, разбитых электролампочек, циферблата часов, облезлого веника и пуговиц с матросского бушлата до содержимого мусорных баков: в дело шли и облезлый ежик для мытья бутылок (кстати, изображавший седую бороду самого Параджанова в автопортрете), и засохшие лепестки роз, и расплывшаяся по швам лайковая дамская перчатка неопределенного цвета...

Особое значение Сергей придавал рамам: он

мастерил их сам, выменивал, выпрашивал, покупал, находил на помойках, иногда особо понравившиеся просто забирал без спроса. Рамы были самые разнообразные: строгие, темные, золоченые и бархатные, овальные и удлиненные, обтянутые тисненой кожей, лакированные, пышные и нарочито облезлые... И работа не считалась завершенной, пока не обрела свою раму.

Так, в изголовье у Сережи висело адресованное ему полное комплиментов письмо Федерико Феллини, инкрустированное осколками перламутра, украшенное павлиньим пером и лепестками лотоса! Вся эта экзотика красовалась в декадентской рамке в стиле модерн.

На выставке в доме кино был весь цвет грузинской интеллигенции, московские, киевские, ереванские друзья Сергея. Мы с мамой тоже были приглашены. Наконец я увидела все его знаменитые шляпы, которые красовались на бронзовых, фарфоровых, стеклянных подставках – разве мог Сережа допустить обычные деревянные болванки для шляп! Избранным Сергей позволял примерить свои шляпы.

- Иди сюда, - позвал он меня, выбрал какую-то забористую шляпу – широкополую, с птичьим крылом и вуалью, огромную, цветастую, и, не позволив к ней прикоснуться, сам долго пристраивал ее у меня на голове, а потом, улыбаясь, наблюдал, как я, совершенно онемевшая, смотрелась в огромное зеркало-трюмо...

Юра Мечитов, так называемый «фотобиограф Параджанова», тут же сделал несколько снимков. Никогда себе не прощу, что так и не смогла вытребовать эти фотографии у Мечитова – где-то, в его бездонном архиве, они похоронены и сейчас...

Я не пишу о фильмах Сергея Параджанова – они наравне с фильмами Тарковского, Антониони, Пазолини вошли в сокровищницу мирового кино. Это и «Тени забытых предков», и «Цвет граната», и «Киевские фрески», и «Легенда о Сурамской крепости», и «Ашик-Кериб»... Я хочу написать о неснятом фильме Параджанова, фильме, к которому он шел всю жизнь, но жизни его не хватило.

Это – «Исповедь», фильм, задуманный им и эскизно записанный еще в 1969 году, фильм о городе его детства. Он писал: «Я должен вернуться в свое детство, чтобы умереть в нем». (Так и произошло.)

Фильм вынашивался долгие годы: был написан подробный сценарий, сотни рисунков иллюстрировали каждый кадр, каждый типаж, каждый костюм и деталь тифлисского быта...

Подготовка к фильму коснулась и нашей семьи: однажды мама сообщила, что Сережа Параджанов пригласил ее сниматься в его картину на роль Марии Перини – замечательной итальянки-балерины, организовавшей в Тбилиси начала XX века свою балетную школу. В этой школе учились и моя мама, и Вахтанг Чабукиани, и все звезды грузинского балета. Образ Перини был знаковым в культурной жизни Тифлиса начала века, и Сергей не мог обойти его своим внима-

нием. Работа над фильмом уже началась: мама ходила на примерки костюма, смеялась, что ей придется носить корсет и турнюр, вспоминала свою любимую учительницу Марию Иосифовну и даже что-то подсказывала Сергею...

Однажды я по знакомой крутой улочке приехала в гости к Сереже – к нему можно было приехать просто так, «без звонка», хотя бы потому что телефона у него не было...

Он сидел в комнате – не в своей, яркой, утомительной карнавальной, а в большой, общей, обыкновенной, где со стен смотрели скорбные лица его родителей, сестер, где были полумрак и прохлада. Перед ним на столе лежали рентгеновские снимки и какие-то медицинские выписки...

- Вот, - сказал он и посмотрел на меня. - Рак легко-го... - Советуют ехать за границу, оперировать там...

Я стала убеждать его ехать и сказала все, что можно было сказать в таких случаях. Он молча слушал, не перебивая, положив на стол свои мясистые ладони, а потом сказал: «Зачем? Разве там от рака не умирают?»

Его еле уговорили оперироваться в Москве – он вообще собирался лечиться в Тбилиси.

Жаркий летний день в Москве. Духота. Я, приехав по делам в Москву, отправилась навещать Сережу – он лежал в Первом мединституте на Пироговке. Долго ломала голову, чем бы его порадовать в больнице. Наконец, купила одну роскошную розу, огромную, пышную, как балетная пачка, и персик размером с небольшую дыню, переливавшийся всеми цветами – от темно-вишневого до бледно-желтого, покрытый нежным девственным пушком...

- Опять к Параджанову? О, госпо-ди! – Санитарка проводила меня к его палате, но там никого не было. - Гуляет он, по балкону гуляет, - она кивнула в сторону двери, выходящей прямо из палаты на общий, вдоль всех палат, узкий железный балкон.

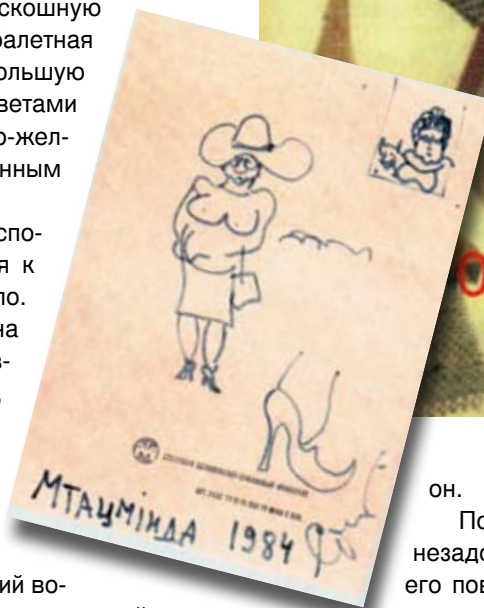
Сережа шел мне навстречу. На нем был длинный, в пол, полосатый таджикский халат, распахнутый настежь, открывавший волосатую перевязанную грудь, длинные семейные трусы в цветочек и шлепанцы на босу ногу.

- Ну, привет, привет! Живой я еще, живой, - он взял у меня из рук розу и персик, какие-то мгновения впитывал их форму, цвет, и вдруг как-то неуловимо покружил их в ладонях, скрестил руки – и передо мной возник... владыка со скипетром и державой, с суровым загадочно-непроницаемым лицом. Он стал похож на карточного пикового короля с черно-седой бородой и знаками самодержавной власти в руках.

- Пойдем, я покажу тебе, что я тут сделал... Понимаешь, не дают мне работать, так я под подушкой пря-

чу. - Он осторожно извлек уже готовые композиции – опять его любимый сюжет: Джоконда и ее различные вариации, причудливые плоды его фантазии.

- Вот, ребята клей принесли, ножницы, открытки, а то тут околеть можно с тоски, - сварливо пожаловался

он.

Последний раз я видела Сережу незадолго до смерти. После Москвы его повезли в Париж, потом в Бакуриани –высокогорный грузинский курорт с целебным воздухом, и вот, уже совершенно обессилевшего, отрешенного, я увидела его на балконе его дома под горой святого Давида.

Тахта, покрытая восточным ковром, обложенный подушками Сергей и бесконечная панорама города, расстилавшегося где-то там, внизу, далеко-далеко – это последнее, что запомнилось мне... Он молча, часами смотрел вниз, на крыши домов, на далекие горы, на заходящее, но все еще теплое солнце...

Елена БАРУТЧЕВА-БАУЭР

ВОСКРЕСНЫЕ ЗАРИСОВКИ

Грузинский поэт и прозаик. Родился в 1938 году. Первый сборник его стихов вышел в 1969 году. Автор более двадцати поэтических сборников, романа «В тени грушевого дерева» и сборников рассказов.

МАТЬ И ДИТЯ

Воскресным декабрьским утром я приехал на станцию Укири. Сеял мелкий дождь. Я взял такси и отправился в Куми.

Стрелки «дворника» лишь размазывали грязь на лобовом стекле.

– Отказали, – глухо произносит шофер и умолкает, не желая продолжать разговор на эту тему.

Шоферу поминутно приходится останавливать машину и протирать стекло, чтобы видеть дорогу.

Я чувствую, он злится на «дворники», которые не работают, злится на меня, на себя, на весь мир злится...

У поворота к Назарети шофер почему-то протирает окно и с моей стороны.

– Взгляни-ка, – говорит.

На обочине дороги лежал мертвый осел. Возле него, застыв, стоит осленок, с милой мордочки каплями стекает дождь.

– Третий день как стоит, – шофер вынимает сигарету и закуривает.

Вскоре стекло с моей стороны снова мутнеет.

Сеет мелкий дождь опостылевший дождь, как это обычно бывает в декабре в промозглом Самегрело.

МАЛИА ХОТЕЛ ЧТО-ТО СКАЗАТЬ

У дарандиевского озера мы с Малией свернули на тропку, ведущую к горной деревушке.

Малиа ржет, узнавая места. Вечереет, но я спокоен – конь идет славно. Мы перешли мост через Куми, повернули направо, и тут Малиа притих.

«Надо бы добраться до темноты», – подумал я и прикрикнул на Малию, чтобы подстегнуть его.

Конь ускорил шаг.

Впрочем все зря – мы ошиблись и пришли не туда. Похоже, Этме Дарандиа жил на другом берегу Куми – мальчишкой я был у него однажды с дедом Свимом да, видать, позабыл дорогу, свернул не туда и пришел к дому незнакомого мне человека.

Прежде чем тот вышел из своего бревенчатого жилища, я понял – Малиа хотел что-то сказать мне. Он не раз ходил к дому Этме Дарандиа и, когда я свернул не в ту сторону, сразу понял это.

Между тем спустилась ночь.

Я не стал спрашивать у незнакомца, где живет Этме Дарандиа (это, к моему стыду, могло дойти до ушей деда Свимом), и мы с моим умным Малией стали осторожно спускаться вниз, к Куми.

СЫТЫЙ ЧЕЛОВЕК НЕМНОГОСЛОВЕН

Вся наша семья отдыхает под грушей. Здесь же – наш дальний родственник Эрасто Дарандиа. Он рассказывает о том, что творится в мире.

– Чего уж там говорить, был я в пятницу на базаре, Свимом-патени (уважительное обращение к старшему по возрасту – мегр.), такая дороговизна, скажу я вам, какой еще не видал; чего уж там говорить, Свимом-патени, может и ты был в пятницу на базаре и сам мог убедиться, какие бешеные деньги просили за скот и продукты; почему это, Свимом-патени, мы должны сдавать колхозу добытое нами потом и трудом, а колхоз потом распределяет между нами те крохи, что мы имеем; чего уж там говорить, Свимом-патени, а не лучше ли оставлять себе годовой запас, а колхозу отдавать излишки, тогда ведь и цены на базаре не были бы такие кусачие; чего уж там говорить, Свимом-патени, то, с чем наш желудок не справится, не переварит, никуда ведь не денется, не пропадет; чего уж там говорить, Свимом-патени...

Чего уж там говорить да чего уж там говорить, Эрато Дарандиа разглагольствовал, не умолкая, но когда бабушка Луца позвала нас к столу, он словно язык проглотил и, пока не отужинал от души, не произнес ни единого слова.

– Оно и понятно, – вздохнул дед Свимом, когда мы проводили Эрасто Дарандиа, – сытый человек немногословен.

БЫЧОК

Дед Свимом обвязал шею бычка веревкой, подвел к забору, обмотал кол вторым концом, отряхнул блузу и

брюки и вошел в дом.

– Уводишь? – спросила бабушка Луца.

– Да, – коротко ответил дед.

Вот и весь разговор.

Дед Свимом закусил перед дорогой и вскоре покинул двор вместе с бычком.

Сердце у меня разрывалось в то утро, но сколько бы я ни говорил, отчего собственно оно разрывалось, мои слова не смогут передать обуревавших меня чувств.

Как нежно ласкала, как вылизывала корова-мать свое дитя, как учила стоять на нетвердых еще ножках, как причесывала, прихорашивала его...

В тот воскресный день дед Свимом продал не бычка, а его изумительно ухоженную шерстку, его красоту.

Так сбывает человек растения, взошедшие на его земле, плоды деревьев, цветы и бамбук, а также птицу, что так любит траву и деревья, растущие на той земле, тот покой, что излучают стоящие рядом несколько шелковиц, яблонь или груш.

ШАКАЛ УНЕС НАШУ МОЛОДКУ

Мы узнали об этом утром.

На рассвете, когда все село крепко спит, шакал вылез из кустарников, трусцой подбежал к нашему курятнику, схватил самую жирную курицу и унес ее.

Наутро столько разговоров было об этом, что я живо представил себе случившееся.

Шакал унес нашу молодку, и петух закричал. Куры закудахтали, поднялся гам. Проснулась Курша и, естественно, залаяла, но шакала и след простыл.

Спали дед Свимом, бабушка Луца, дядя Але, Нуну-бицола (жена дяди), спал и я и вся наша скотина – коровы, лошади, быки.

Когда поднялся переполох, лай, кудахтанье, шакал, верно, подумал, что за ним гонится все село, но только почувствовал себя в безопасности, стал выхваляться в душе – ай да молодец я, все село облапошил!

А дед Свимом храпел, как лев, вся семья покоилась в объятьях сна, дрыхла скотина, и всем было невдомек, что на рассвете шакал украл нашу молодку.

МАМА ЗАПОЗДАЛА

Мама запоздала.

Рано утром она ушла на базар. Взвалила на спину три красных одеяла, собственноручно сшитые, и исчезла в проулке.

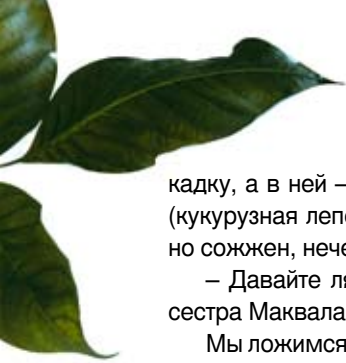
Время тянулось медленно, казалось, воскресенью не будет конца.

К полудню мы с сестрой и братьями перевернули весь дом в поисках съестного, но ничего не нашли.

Тетя Феня, соседка, крикнула нам, чтобы мы занялись чем-нибудь, а там, глядишь, и мать подойдет.

Из нашего окна открывается вид на декабрьский простор. Голая земля прикрыта листьями. Хурма уже облетела. На осиротелой ветке сидит зяблик и смотрит в нашу сторону. Ему тоже хочется есть – это очевидно.

Весь дом уже перевернут. В чулане мы обнаружили

кадку, а в ней – небольшую миску с тестом для мчади (кукурузная лепешка). Керосин из жестяной банки давно сожжен, нечем огонь разжечь.

– Давайте ляжем, может, согреемся, – предлагает сестра Маквала.

Мы ложимся, и она начинает рассказывать нам сказку, но не досказывает до конца. Наверное потому, что был день, а сказка – дело ночное. Мы поднялись и недолго думая съели половину теста. Потом снова легли в ожидании, что с нами будет.

Мама вернулась, когда стало смеркаться. Из трех одеял продала одно.

– Думала, к моему приходу огонь раздуется, – упрекнула она нас, разжигая огонь в очаге, – сейчас испеку мчади, я сыр принесла.

Увидев остатки теста, мама на какой-то миг застыла, словно язык проглотила. Потом нарезала сыр, дала нам по куску: – Нате, заешьте тесто.

Потом мы заснули.

Ночью я проснулся. Мама сидела у моего изголовья и что-то шептала.

– Он мне говорит, я издалека, из Джихискари, не дай мне уйти с пустыми руками, уступи задешевое одеяло, больше у меня нет. Он давал очень мало и, что было делать, я отказала. Он ушел. Но ни одно одеяло продать так и не удалось. Уже и базар стали закрывать. Где было искать моего покупателя? Пошла я к перекрестку на Джихискари, может, думаю, догоню его. Гляжу, идет, я к нему, вот, говорю, берите одеяло.

– Поздно, милая, я на те деньги сыр купил...

– Да черт с ними, дайте что осталось.

Дал он мне, сердечный, и остаток денег, и тот сыр. Я вот мчади испекла, но мне расхотелось есть, а вы ешьте, ешьте, а то ведь жаль меня, не правда ли?!

Стоял декабрь 1943 года. Не принеси мама сыр в тот вечер, наши животы, верно, лопнули бы от сырого теста, но нас спасла доброта незнакомого человека.

ДЕНЬ БЫЛ ПАСМУРНЫЙ, ТУМАННЫЙ

День был пасмурный, туманный.

Стояла поздняя осень. Мы срезали в поле солому закаленными серпами.

Нам помогало семейство ближайших соседей – Дарандиа.

После полудня небо посветлело, сквозь облако проглянуло солнце, и маленький Квази Дарандиа сказал:

– И солнышку зябко.

Тогда я не обратил внимания на его слова, но по прошествии многих лет случайно наткнулся на стихотворение древнеяпонского поэта вот такого содержания: «О, зимний месяц,/ ты выплыл из-за туч,/ чтоб проводить меня.../ Ужели ты не мерзнешь в эту ночь?/ ужели снежный вихрь тоски не навевает?!».

Теперь мне кажется, что и огонь может продрогнуть.

Так уж случилось, что я это увидел

Так уж случилось, что я это увидел: в дальнем углу

виноградника под навесом для марани стоят дед Свимо и бабушка Луца. Дед Свимо, склонив голову, с важным видом слушает свою женушку. Бабушка Луца, поднявшись на цыпочки, что-то жарко шепчет ему на ухо.

О чем они говорят? Кого мне напоминают?

Ну, бабушка Луца – понятное дело, но деда Свимо при таких обстоятельствах я вижу впервые!

Бабушка Луца в длинном домашнем платье, левая рука продета под ручку корзины, правая – у самого рта, она покачивается на носках, с таинственным видом что-то шепчет деду на ухо.

На деде Свимо – широкое галифе, рубаха цвета хаки подхвачена поясом, на ногах – чувяки. Он стоит, застыв в одной позе, с удивлением слушает свою дорогую женушку.

Они похожи на кукол, мои старики, на кукол, грубо вырезанных из никудышного дерева! Похоже, бабушка Луца уговаривает деда куда-то пойти. Создается впечатление – двое детей, которым нужно поверить друг другу тайну, наконец-то нашли укромное местечко и время для этого.

Так уж случилось, что я это увидел.

Прошло довольно много времени, и я вспомнил, это было сразу после того, как дядя Але женился.

ДЕЛА В ДЕРЕВНЕ НЕ КОНЧАЮТСЯ

Живет в горной деревушке Самегрело одна старушка. У нее пятеро детей: три сына и две дочери. Все пятеро квартируют в городе, там и работают. В кои веки приедут в деревню мать навестить.

Старушка одна дни и ночи напролет. Ходит за скотиной, хлопочет в саду и огороде, смотрит за домом, словом, поддерживает огонь в родном очаге.

Закончился очередной рабочий день, так похожий на другие. Дела ведь в деревне не кончаются.

Поздним вечером вспомнила бедняжка – то ли задала задать корм кормилице-корове, то ли задала слишком мало, и пришлось ей выйти в непроглядную ночь. Прошла она узкой тропкой к хлеву, освещая себе путь зажженной плошкой. Поставила плошку на живую изгородь, вошла в хлев, бросила в ясли охапку соломы и листья початков, той же тропкой пошла назад, по пути вынесла из сруба кувшин с водой и направилась к оде (дом на сваях). Поставив кувшин на перила заднего балкона, увидела зажженную плошку – уже ли сосед пожаловал в гости?! «Пожалуйте! Пожалуйте!» – радостно воскликнула она, почти бегом спускаясь вниз по лестнице, но через несколько шагов стала как вкопанная – сердце ее сжалось от острого разочарования. В этих местах в конце осени за десятки верст не встретишь ни единой души. Она взяла забытую плошку и вернулась в оду.

В горной деревушке Самегрело живет одна старушка. У нее пятеро детей – три сына и две дочери.

Мурман ДЖГБУРИЯ

Перевела с грузинского **Лиана ТАТИШВИЛИ**

Шота Агсабадзе (сидит второй слева)

ОПЕРА «АЛЕКО» - ЭТО НАДОЛГО

Трудно назвать другой спектакль, который в репертуаре грузинских оперных студий (Тбилиси, Кутаиси, Батуми) мог бы конкурировать с рахманиновским «Алеко». Насильственно отторгнутая от сцены после эмиграции автора, музыка «Алеко» вновь зазвучала в Тбилиси в начале 50-х годов, сначала в оперной студии при консерватории (1952), позже в оперном театре (1956). Автором первой постановки был Шота Агсабадзе, главные роли исполняли Медея Амиранашвили, Зураб Анджапаридзе, Нодар Джапаридзе, Тенгиз Муш-

кудиани, в то время еще студенты консерватории, которым в дальнейшем суждено было прославить грузинскую исполнительскую школу. Спектакль имел такой успех, что через некоторое время его показали в оперном театре. Вторую постановку осуществил выпускник театрального института Гиви Гачечиладзе. Став в дальнейшем профессором Тбилисской консерватории, он неоднократно возобновлял «Алеко» в студенческих спектаклях, и в последний раз в 2001 году, когда оперная студия после длительного застоя наконец приступила к работе. Это поистине подвижнический спектакль, который по сей день сохраняется в репертуаре.

В рецензии на первый студийный спектакль оперы «Алеко» музыковед Антон Цулукидзе высказался об удачном использовании постановщиком Шотой Агсабадзе принципа картинного построения («смены панорам» по его словам). В те годы режиссер оперной студии мог позволить себе такую «роскошь». Размеры игровой площадки, непреодолимый камень преткновения для современных постановщиков, способствовали не только сценографии даровитого театрального художника Дмитрия Тавадзе, но и полноценному развертыванию блистательной хореографии Зураба Кикалейшвили, и, таким образом, звездный состав

авторов сумел беспрепятственно осуществить свои намерения. Здесь мы позволим себе небольшое отклонение, чтобы представить хотя бы в общих чертах личность удивительного режиссера Шота Агсабадзе. Имя его нечасто приходится слышать в наши дни, но те, кому доводилось работать с ним, считают этого режиссера гениальным. Парадоксально, но Шота Ревазович не только не умел петь, но, можно сказать, не имел музыкального слуха (об этом я узнала от профессора Нодара Джапаридзе, ставшего оперным режиссером и коллегой Агсабадзе по оперной студии). Не знал он и нотной грамоты, но при этом самозабвенно любил и понимал музыку, и, окунаясь в ее стихию, чувствовал себя как рыба в воде. Шедевры его сценического мастерства – непревзойденный по изобретательности мизансцен «Абесалом и Этери» - эта постановка готовилась для Декады грузинского искусства в Москве в 1937 году; едва ли не самый любимый спектакль зрителей того времен - «Дама с камелиями» в театре им. Рушвели (с восхищением отзывался о нем В.И.Немирович-Данченко), где в главных ролях были заняты Верико Анджпаридзе, Акакий Хорава, Акакий Васадзе. Лучшими постановками в оперной студии консерватории, которая в последние годы стала основным местом работы Агсабадзе, были «Орфей и Эвридика», «Травиата», «Свадьба Фигаро».

Но вернемся к «Алеко». Судя по рецензии, увлеченность режиссера декоративным оформлением, тяга к монументальности имела и обратную сторону, которую автор статьи определяет как «подчеркнутую статичность мизансцен» - обратим на это внимание. Критик также считает, что характер спектакля определяет лирическая доминанта, в чем немалую роль сыграла работа дирижера. К тому же тяга Нодара Джапаридзе, к мелодраматическим эффектам способствовала тому, что образ главного героя в его интерпретации «потерял силу выражения трагического одиночества». Эльга Мелик-Парсаданова, профессор Тбилисской консерватории, вспоминает, что, работая над клавиром «Алеко» перед экзаменом по концертмейстерскому мастерству, она и ее педагог Татьяна Дуненко порой не могли удержаться от слез. В интересной интерпретации представила Мелик-Парсаданова врезавшийся ей в память образ Алеко - Н.Джапаридзе. По ее словам, эмоциональное воздействие душевного краха главного героя на слушателей осуществлялось не через пение, а, прежде всего, через игру артиста. Пронзительное впечатление оставляла пластика его движений, его незабываемая поступь - тяжелая, прерываемая ос-

тановками-одышками поступь раненого зверя...

Не могу при этом не вспомнить, как вводил меня в круг образов оперы Рахманинова мой однокурсник Жора Селезнев, в будущем прославленный певец, народный артист России и зав. кафедрой сольного пения в Санкт-Петербургской консерватории, прославившийся исполнением партии Бориса в Ла Скала. В то время его едва ли не самой любимой арией был рассказ старого цыгана («Волшебной силой песнопения»). Трепетное отношение к рассказу о жизненной трагедии отца Земфиры еще до поступления в консерваторию пробудил в нем концертмейстер по

Автограф Сергея Рахманинова

училищу замечательный музыкант Завен Акопян. «С тех пор, - рассказывал Жора, - когда я пою эту арию, при словах «И, бросив маленькую дочь, ушла за ними Мариулла», слезы начинают душить меня». Это повторялось и в дальнейшем, когда я, придя в восторг от такого отношения, взялась аккомпанировать

ему, и рассказ старика разносился по консерватории перед занятиями и в промежутках между лекций, звучал на шефских концертах и на концертах кафедры общего фортепиано.

Итак, что же имел в своем распоряжении Гиви Гачечиладзе, в 2001 году вернувшись к опере, с которой он дебютировал и впоследствии неоднократно ставил в Тбилиси и Кутаиси? Ледяное, много лет не отапливаемое помещение, где на протяжении зимы бесперебойно шли репетиции. Ту же сцену Большого зала консерватории, но с безнадежно конфискованным задником – его навсегда занял утвердившийся на его месте орган, который во время спектаклей отделялся от зрителей легкой занавеской... Дефицит реквизита, отсутствие декораций, и, как следствие крайнего оскудения бюджета, отказ от художника сцены и хореографа. Из-за уменьшившихся размеров сцены хор мог выступать главным образом стоя.

В то время, как память свидетелей прежних постановок продолжала хранить декорации с шатрами из белого и пестрого холста, телегами, украшенными коврами, и котелки над горящими кострами, в новом спектакле в первом акте самым впечатляющим атрибутом «сценографии» оказалось сломанное колесо в левом углу авансцены (раздобыть его стоило немалых усилий), а в сцене свидания набегающие на синюю ткань световые блики заменили перспективу с берегом реки и восходящей луной. Недоступной стала и такая, казалось, обязательная деталь сценического антуража, как люлька, символ повторяемости судеб; вместо нее Земфира держала в руках колоду карт, которой в конце сцены запускала в ненавистного мужа. Аскетизм сценографии, отсутствие зрелищности с непроизвольной тенденцией к торможению действия спровоцировало режиссерскую концепцию, где двигательным нервом стала заявившая о себе с начала спектакля антистатичность. В спектакле Гачечиладзе персонажи, в зависимости от их значимости в сюжете, со стремительной очередностью выводились на сцену – кружащиеся в веселом хороводе дети, старики с трубками, Земфира в окружении подруг, следующий за ней молодой цыган и обособленный от всех, замкнутый в невыразимой печали Алеко. Они живописно группировались вокруг отца Земфиры. Так слушатель настраивался на восприятие узлового в драматургии оперы сольного номера, провозвестника трагических событий - рассказа старого цыгана.

Непрерывное движение, при всей ограниченности сценического пространства, переполняло также изящно поставленную сцену любовного свидания – кокетливо кружась и дразня своего обожателя, Земфира то и дело ускользала из его объятий. И, надо полагать, особенно тяжело пришлось режиссеру в сцене

Гиви Гачечиладзе

Георгий Селезнев

кровавой расправы, когда Алеко начинает преследовать любовников, а скрыться им негде.

Режиссерская мысль не подавляла инициативу исполнителей, каждый из них сумел сполна выразить свою индивидуальность. Беседы с некоторыми артистами старшего поколения позволяли заключить об известном стереотипе, сложившемся в их отношении к образу Алеко. Получалось, что герой Пушкина-Рахманинова заслуживает лишь порицания; отрекшись от своей среды и прилепившись к молодой красавице-цыганке он должен был знать, на что идет, и ни о каком сочувствии к нему не может быть речи. В постановке Г.Гачечиладзе, где в роли главного героя были заняты магистранты В.Галуашвили и К.Сардалишвили, обладатели прекрасных голосов и незаурядных сценических данных, предстали два разных Алеко. Ваню Галуашвили раскрылся перед зрителем в образе обреченного на трагическое одиночество «гордого человека». Неограниченный себялюбиец, поглощенный мрачными предчувствиями, он не пытается разобраться в житейской психологии тех, кто принял его в табор, вникнуть в то, что находится за пределами его представлений. Проблески нежности в сценах с Земфирой отражают мучительное усилие над собой, утраченную любовь он пытается вернуть только угрозами. Поэтому горестные стенания над трупом Земфиры не могли вызвать сочувствия. В развязке личной драмы в игре артиста убеждало не покаяние («Взгляни пред собой на злодея»), не ужас перед содеянным, а обреченность на судьбу изгоя («О, горе! О, тоска! Опять один, один!»).

В исполнении Кобы Сардалишвили была заметна попытка вникнуть в философию героя, раскрыть предпосылки совершаемого им преступления. Весь облик Алеко, вступающего в действие на фоне рассказа старого цыгана - его вопрошающая поза, прикованный к отцу Земфиры взгляд - то гневный, то скорбный

- свидетельствовали о намерении, если не примириться, то, по крайней мере, понять законы табора, в который он добровольно вступил. В звучании угроз Алеко не было категоричности, он как бы представлял на суд свои убеждения, давая при этом высказаться и оппонентам – Земфире с молодым цыганом. В сцене с Земфирой проступала толерантность – создавалось впечатление, что Алеко сдерживает себя, пытаясь образумить жену, он готов даже вынести ее издевательские выходки. С пронзительной эмоциональностью изливалось безысходное горе героя в арии «Весь табор спит»; ее предел обозначался в мизансцене с брошенной Земфирой шалью. И когда, схватив нож, Алеко устремлялся за Земфирой, игра артиста убеждала в том, что действиями его движет не оскорбленное самолюбие, а трагическое осознание попорченной любви.

Реваз Такидзе

Очень хорош был Ш.Мачарашвили, тогда еще студент, в роли старого цыгана – напомним, что «голос» этого персонажа в поэме Пушкина Белинский сравнивал с

ролью хора в античной трагедии. Его рассказ представляет не только самые вдохновенные страницы партитуры, но, как уже говорилось, узловой этап драматургии. Провозвестник скрещения судеб (Мариулла-Земфира, Старик-Алеко), он создает импульсы к выявлению жизненных позиций потенциальных соперников (реплики Алеко и молодого цыгана) и, рассредотачивая их экспозицию, определяет органичность в развороте событий. Убедительности образа – и музыкальной и сценической – во многом способствовал прекрасный грим.

Роль молодого цыгана была первой оперной ролью прославленного Зураба Анджапаридзе. Его дебют в спектакле Агсабадзе совпал с выпускным экзаменом по актерскому мастерству (любопытно, что при этом Анджапаридзе должен был петь во втором составе, в первом же выступил А.Гагуа). Эта партия всегда вызывала энтузиазм исполнителей. Одним из лучших ее интерпретаторов был признан Гурам Зедгенидзе, который, однако, не сразу справился со сценической задачей. Вживание в роль соперника Алеко оказалось настолько органичным, что перед предстоящей расправой он начинал впадать в панику и делал

все, чтобы не дать партнеру по сцене Тенгизу Чочуа приблизиться к себе. Это сильно осложняло проведение репетиций, и, в конце концов, возмущенный Агсабадзе, потеряв терпение, пожаловался ректору консерватории Ионе Туския. Тот вызвал обоих певцов, объявил первому из них выговор, а для второго велел изготовить бутафорский нож.

С бережностью отнесся к своей партии Нугзар Гелашвили, «неувядаемый» молодой цыган. Выступив в этой роли в пору студенчества, в начале 60-х, он сохранял ей верность и после того, как стал солистом оперного театра, и приглашение Гачечиладзе к участию в своем последнем «Алеко» встретил с радостью и почел за честь. Нугзара завороживала не только пламенность чувства, но и безоглядная смелость – по его убеждению, любовник Земфиры вполне осознавал, что его ожидает. В исполнении роли артист не видел затруднений; по его словам, образы персонажей Рахманинова, настолько совершенны, что сама музыка диктует, как их исполнять. Тем не менее, разучивая партию, Нугзар стал искать реального прототипа своего героя и долго скитался по рынкам, приглядываясь к встречным цыганам. Играя молодого цыгана в последний раз, артист был уже в весьма солидном возрасте, однако, зрители продолжали видеть на сцене восторженного юношу, преисполненного трепетной нежностью и молодым задором.

Земфира вызывала разные чувства. «Как можно ее осуждать, если она полюбила и отстаивает свое право на любовь» – ответила на мой вопрос народная артистка СССР Медея Амираншвили, вспоминая свой сценический дебют, возвестивший о ее блестящем будущем. «Редкий музыкальный талант, очень красивый, отчетливый голос», – отзывалась автор заметки «Победа молодых вокалистов» Мирра Пичхадзе.

Как и Алеко, Земфира предстала в двух прочтениях. Игра С.Джанелидзе придала героине некоторое легкомыслие; создавалось впечатление, что она бездумно измывается над чувствами мужа, бездумно распяляет его самолюбие, не заботясь о последствиях. В трактовке И.Нозадзе образ ощутимо усложнился. Тяжкие предчувствия, ужас перед неизбежной расплатой, мучительная внутренняя борьба, прежде чем решиться высказать мужу страшную правду – вот какие чувства обозначились в сценическом образе ее Земфиры.

Как уже говорилось, сложившиеся условия исключали возможность хореографического действия, отчего возросла ответственность оркестра. С большим увлечением дирижировал Реваз Такидзе, добившись хороших результатов. Стройность ансамбля, интонационная чистота оттачивались от спектакля к спектаклю.

Надо полагать, что опера «Алеко» надолго сохранит значение решающего этапа в формировании сценического мастерства молодых оперных певцов.

Мария КИРАКОСОВА

«Октябрь уж наступил, уж
роща отряхает последний лист
ты с ветвей своих ветвей»... Мно-
гие помнят эти замечательные
строки А.С.Пушкина.

В октябре наши предки начи-
нали мять лен, коноплю. И ок-
тябрь называли листопадником,
зазимьем, грязником.

Заметили вы, что в каждом
месяце у народа было работы не-
впробором? И в сказках тоже
всегда ценится трудолюбие, ра-
ботоспособность. Ленивых, не-
радивых осуждала, высмеивала.

Вот и сказательница Купри-
яниха знала одну поучительную
сказку о ленивой старухе.

ХИТРАЯ СТАРУХА

В давние годы жил-был старик со старухой. Старуха была ленива, ничего не умеет, ни-
чего не знает, муж ее всегда ругает:

- Прочие старухи чем-то занимаются.

По людям ходят — детей нянчат, умывают, все-таки
кормятся. А ты ни на что не годна!

Вот старуха говорит:

- Старик! Что я надумала!

- А что, старуха?

- Да не знаю, тебе понравится или нет.

- Ну, понравится не понравится — все равно буду
слушать.

- Придет праздник-воскресенье, давай пирогов
напечем, барана зарежем, водки возьмем да ребят
с улицы кликнем — напоим, накормим. От них нам
польза будет...

Так и сделали. Напекли пирогов, барана зарезали,
водки взяли и ребят с гармонью назвали.

Пьют, едят ребята, дивуются, из-за чего это им се-
годня пируется. Попили, поели, песни заиграли.

Старуха говорит:

- Ребята, садитесь в кружок, что я вам расскажу.

Вы по улице ходите, песни играйте, себя и людей за-
бавляйте, а сами меж тем примечайте: попадетса что
— берите и прячьте. А ко мне придете и скажете, где
искать. Я буду людям гадать да с них деньги брать, а
мы с вами опять будем гулять.

- Ребятам это на руку: попили, поели хорошо, хочет-
ся еще.

Вот они идут по селу, песни играют, а что плохо ле-
жит, в мешки прибирают.

У одной бабы сундук и полушубок унесли да в сенях
два хомута прихватили.

Приходят к старухе:

- Ну, бабушка Салмонья, дело сделали.

- А где положили?

- Да за ригой в солому закопали.

- Ладно, идите, про меня людям шепните.

Наутро бабы раскричались, мужики разворчались:

- Что такое — покража случилась!

Марья-то, у какой добро стащили, громче всех кричит:

- Ах, меня обворовали! Куда все подевали?..

Тут как раз ребята идут.

- Что за шум?

- Да вот, ребяташки, обокрал нас кто-то!

Один из них и говорит:

- Вы бы к бабке Салмонее сходили. Она украдкой

угадывает, потихоньку ворожит.

- Неужто правда?

- Ей-богу! Я к ней ходил, о невесте ворожил. Все

рассказала, будто отрезала.

Мужик Марье приказывает;

- Сходи к Салмонее. Слышишь, говорят — хорошо
ворожит.

Прибежала та.

- Бабушка Салмонея, погадай-ка мне. Сундук и полушубок у нас унесли, да еще хомуты с бляхами сцапали.

- И-и, дитянок, неохота мне ворожить.

- Я, бабушка, заплачу за охоту.

Назначила старуха за ворожбу три рубля, да пуд муки, да четверть водки, а на остальное гуся. Марья говорит:

- Кабы только найти, не пожалею ничего.

Налила старуха в блюдо воды, сама похаживает, на воду поглядывает.

- Вижу, — говорит, — твое добро. Лежит оно за ригой в соломе. Иди скорее, а то вор хлопчет, перевозовать хочет.

Побежала Марья за мужиком.

- Бабушка Салмонея говорит, что все в целости, за

ригой лежит.

Пошли туда — правда, угадала.

А ребята в другое воскресенье опять заходят к бабке Салмонее.

Она им обед собрала. Выпили. Песни играют, пляшут, а дела не забывают.

Один растрепу лошадь у ворот оставил.

Они ее взяли, в лес увели, к дереву привязали.

Да еще из стада барана угнали, тоже неподалеку от лошади привязали.

Приходят к старухе пастухи:

- Так, мол, и так. Выручай.

Она им отвечает:

- Поворожу вам, только поодиночке.

Первому говорит:

- Это твой товарищ барана свел. Хотел тайком зарезать, а мясо продать. Ступай в лес — баран там привязан.

А второму на первого оказала. Побежали они барана искать.

А тот, растрепу, у кого лошадь пропала, помыкался туда-сюда и тоже приходит к старухе.

- Бабушка Салмонея! Ты не знаешь про мое горе?

- Знаю, знаю. Слыхала я.

- Помоги.

- Могу помочь.

- Что возьмешь?

- Да барана.

- Эх, кабы лошадь нашлась, не пожалел бы барана и на водку дал бы.

Наливает она в блюдо воды, вокруг похаживает, на блюдо поглядывает.

- Вижу, — говорит, — привязана твоя лошадь в лесу. За нее мужики берутся, между собой дерутся. Ты их сейчас захватишь.

Он бежит туда. А там пастухи из-за барана дерутся. Он подумал, что из-за лошади. Отвязал лошадь, поехал.

Оказалась старуха такой ворожеей, что прославилась на всю губернию.

Вот у царя случилась пропажа: из-под подушки шкатулку с деньгами унесли. А сделали это повар, лакей и кучер. Взяли и в конюшне схоронили.

Министры царю говорят:

- Есть такая старуха, что пропажи угадывает.

Царь сейчас же запрягает лошадь, посылает кучера за бабкой Салмонеей.

Воры испугались: что делать? Повар говорит:

- Надо ее испытать. Поставим ей лукошко яиц в тарантас под сиделицу. Если она угадает, то нам плохо будет.

Приезжает кучер к старухиному двору.

- Вот государь прислал за тобой: беда приключилась.

Загоревала старуха. Как царю солгать? За это голова долой. А отказаться нельзя.

Убирает себя, как к смерти.

Думает: «Теперь, должно, отворожилась я».

Подобрала свою юбчонку, лезет в тарантас и приговаривает:

- Назвалась Ерошкой, полезай в лукошко.

А кучер кричит:

- Стой, стой, бабушка! погоди садиться! Не подави!..

Это тебе царь прислал подарок.

Вытаскивает из тарантаса лукошко яиц.

Бабка их своему старику отдала:
- На, скушай, а я там сыта буду.
Привез ее кучер во дворец.
Высочили лакей и повар.
- Ну как? — спрашивают у кучера.
- Беда нам будет! Как только стала в тарантас садиться, так сразу и угадала.
А повар уже кушанье сготовил: изжарил утку и ворону.
Говорит лакею:
- Понеси-ка сперва ворону. Что она: угадает или нет?
Лакей на стол жареную ворону подал, сам под дверьми стоит, слушает.
Зашла старуха в царский дом, по сторонам глядит: как тут стены хорошо убраны.
- Эх, ворона, ворона! Зачем залетела в чужие хоромы?
Это она про себя так говорит. Бежит к ней лакей:
- погоди, погоди, бабушка! Ошибся я, не то кушанье подал.
Принес ей утку.
Высочил сам на кухню. Повар и кучер спрашивают:
- Что такое?
- Угадала. Вот уже два раза угадала. И где такого черта достали?
Покушала старуха, идет к царю. Тот спрашивает:
- Как, бабка, с ручательством берешься?
Бабке некуда бежать, надо ответ держать.
- И-и, государь-батюшка! Что ворожейная книга скажет. Я ведь по книге гадаю.
- А когда же это будет?
- Да в ночь буду вычитывать.
Отвели старухе комнату. Сидит бабка Салмонея, не спит, себя потихонечку бранит.
Слуги на спасенье уже не надеются, смерти ожидают. Ведь не у мужика живут, а у царя.
Лакей ни жив ни мертв за дверью стоит, слушает.
Что старуха бурчит, никак не разберет.
Вот первый кочет закричал. Она вздохнула и говорит.
- Ох, господи, один уже есть.
Лакей задрожал, от двери побежал. Говорит своим:
- Угадала, что я стоял. Тут повар под дверь слушать побежал.
Другой кочет закричал.
- Дождалась и другого, — говорит старуха.
Испугался повар и бежать.
- Ну, как там? — его спрашивают.
- Узнала.
Идет кучер под дверь.
Стоял, слушал кучер, пока себя измучил.
Третий кочет закричал.
- Ну вот, и третий есть, — говорит старуха. — Пора моим костям на покой...
Прибежал кучер от дверей, все равно как по воде поплыл.
Прибегает к лакею и повару.
- Что теперь делать?
- Пойдем ее просить!..
- Отворили дверь, бух бабке в ноги. Вытаращила она глаза.
- Что такое?
- Бабушка, нельзя ли от беды нас отвести? Никогда

больше воровать не будем...
Повеселела старуха — недаром пословица говорит: на воре шапка горит.
- Стойте, не кланяйтесь. Я все это раньше знала. Принесите-ка мне покушать сала.
Повар кучера за бородку: подмазали сковородку, Все справили, ветчины нажарили, старушку угостили.
- Ешь, бабушка, сколько угодно, только от беды избавь.
Поела, попила старуха и спрашивает :
- Кто был в этом деле? Куда деньги дели?
Те говорят:
- Они у нас в конюшне, в навозе.
- А что, ребята, не примечали вы, чтобы царь по ночам сонный ходил?
- Бывает с ним, бабушка, — говорит лакей. — Луна-тик порой на царя находит.
- Ладно, — говорит старуха, — ступайте. Не будете вы виноваты.
Вот наутро царь встал и старушке сказал:
- Ну, бабка, как гадала? Про мою пропажу узнала?
Царю-то не терпится, не ждётся, когда в дом пропажа вернется.
- И-и, государь-батюшка! Я все давно знала.
- Кто же у меня деньги унес?
- Да ты их сам взял да позабыл. Сонный вскочил и с собой шкатулку захватил. Когда лошадей-то глядеть ходил, и шкатулку обронил. Она теперь лежит в навозе.
- Да, бабка, со мной такое случается, какой-то луна-тик находит.
Пошли они на конюшню. Схватил царь вилы, раскопал навоз — шкатулка там.
Царица ругается, царя бить собирается:
- Ах ты, такой-сякой! Людей оклеветал, себя на все царство опозорил!..
Старуху скорей со двора спровадили, деньгами наградили и воз хлеба ей насыпали. Старик ее уже не ждет живую. Встречает, обрадовался.
- Как ты, старуха, там жила?
- Всех оправдала и сама осталась жива. Только страху я натерпелась. Плохое это дело. Как бы нам его бросить?
Старик говорит:
- Я уже тут придумал. Давай, старуха, свою гнилушку сожжем и на пожар всю вину положим. А себе новую избу построим.
Подожгли они свой домишко, а людям сказали — сгорела, мол, ворожейкина книжка. Не по чем гадать...
Вот так сумела старуха всем отказать.
С тех пор взялись они за дело, все у них в руках закипело.
Старуха та мне соседкой была, в гости меня звала. Я у нее была, мед пила, по губам текло, а в рот не попало.
Вот какая хитрющая соседка была у Куприяники. Но заметьте, она не была лишена смекалки и под конец не захотела жить обманом. Нашла способ начать жить честно, трудиться. И всякое дело спорилось в ее руках.
Народ-то всегда знал: «Труд кормит, а лень портит».

БАБУШКА ДАРЬЮШКА

СЛЕЗА В ХРУСТАЛЬНОМ КУБЕ

Август оскорбил наши чувства, наши глаза и уши, наше ощущение справедливости и собственного достоинства! Страх, принесенный толпами беженцами, осел в каждом из нас осознанием незащитности.

Французы, знающие все о магической силе духов, предложили нам свой метод реабилитации. Посольство Франции вместе с французским культурным центром «Александр Дюма» открыли в «Караван-сараяе» выставку духов и флаконов.

Она оказалась очень своевременной своей деликатностью, изысканностью, пронзительностью, с одной стороны, и провокацией роскошной жизни – с другой.

Казалось, кого сегодня удивит новыми французскими духами в красивых флаконах.

Все разнообразие форм и запахов давно на полках магазинов и в наших спальнях.

Но нет! Достигшее пика искусство французских парфюмеров начало развиваться как в древности в сторону мистической философии гармонии души с телом – содержимого с флаконом. И уже не понятно, кто ведет тему – дизайнер флакона либо парфюмер?

В каталоге создателей композиций первыми указаны авторы флаконов! Подхватив волну, Севрские национальные мануфактуры, Баккара, Фаенца и Лалик стали финансировать авангардные проекты. И возникли шедевры.

Они были представлены в прошлом году в Париже, а вот теперь у нас в Тбилиси. Авторы композиций молоды и дерзки, творят на грани красоты и абсурда. Порой вместо того, чтобы изучать составляющие счастья, излучают боль. Именно поэтому их эмоции сегодня созвучны нашим переживаниям.

Мрачный пустой зал «Караван-сарая». Черная штора затягивает средневековый витраж окна. Тринадцать черных тумб, на них стеклянные кубы с флаконами. На кубах пробники, небрежно брошены бумажные тестеры. Над каждым экспонатом свисает с потолка жестяная воронка светильника.

В глубине экспозиции черный могильный камень из неглазурованного фарфора. На нем белый орнамент из трубок, заполненных гранулами духов. Название композиции

«Burning desire» (Сжигающая страсть). Дизайнер Роберт Станлер превращает в обугленную глыбу мир

парфюмера Калис Бекера.

На другом постаменте огромная слеза, застывшая в хрустальном кубе. До сих пор мы знали вкус слез, теперь мы узнаем и запоем, как восхитительно они пахнут.

Дизайнеры Оливье Шабо и Лоран Левек и парфюмер Александра Косински создали композицию «Entre chien et loup», что в дословном переводе – «Между собакой и волком», а, по сути, «Перед рассветом». Когда чувства исчезают, зрение слабеет, но запахи усиливаются до нот, придуманных талантливым парфюмером. Флакон почти не виден, но под лучом света как мираж возникает рефракционная картина с разбегающимися волнами. И вместе с волнами накатывает на вас тонкий пронзительный запах рассвета. И опять хочется жить и верить в чистоту.

Композиция «Between you and me» (Между мной и тобой) чиста, как химическая колба с родниковой водой со звонким голубоватым запахом.

Тончайший выдутый стеклодувом пузырь с розоватым цветком, удерживающим запах. Думаю, вам и так понятно как восхитителен новый японский аромат «Сакура».

Теперь, когда мы вновь поверили в чистоту и красоту, начинается пиршество роскоши!

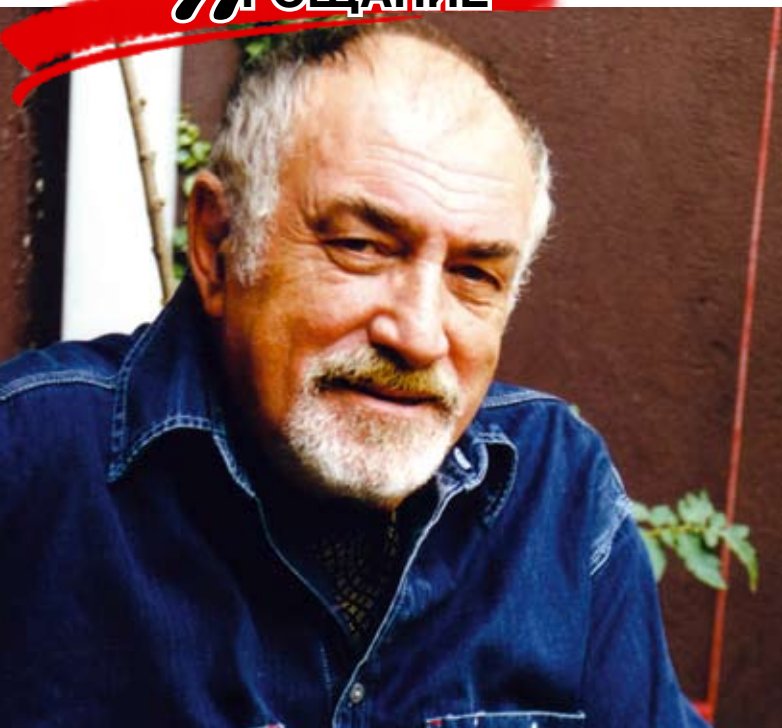
Композиция «Odore di femmina» (Запах женщины) продолжает линию женских торсов дизайнера Иоанна Кретьера. На этот раз керамическое женское тело создано из бутонов роз. Парфюмер Франсуаз Канон наполняет этот флакон новым ароматом, который должен вскружить головы всем мужчинам без исключения. В нем слышны металлические нотки крови, без которых нет эликсиров жизни.

Флакон мужских духов в виде крестика из машин сменяет коллекционный бренд «Bugatti». Известный автомобильный клуб насчитывает в мире всего 1750 членов, ну а флаконов выпускается еще меньше. Всего-то 400 экземпляров. Алмазная капсула вставлена в трубку из драгоценных металлов, изогнутую в виде листа Мебиуса. Совершенство беспредельно и безгранично! Каждый новый аромат – символ элегантности и прекрасного вкуса. Все просто – несколько нот кожи, дерева и металла помещены в золото, серебро и алмаз.

Выставка очень интимна. Можно долго вникать в ароматы, играя со своим воображением. На самом деле, она – о более глубоком. О неисчерпаемости языков общения, о том, что истинная современная красота только в гармонии, что ради нее надо уметь отказываться от первенства, а самые богатые и сильные мира сего должны поддерживать и культивировать гармонию. И еще о том, что самые ужасные переживания могут быть изысканными, даже в беде есть своя трагическая красота, дающая надежду.

Ирина МАСТИЦКАЯ

НЕПОВТОРИМЫЙ ВАХУШТИ

За день до начала трагических августовских событий скончался выдающийся деятель отечественной культуры, известный поэт и переводчик, крупный фольклорист и общественный деятель – Вахушти Котетишвили.

В Грузии это имя знает каждый. Оно укоренилось в грузинской культуре и еще при жизни его носителя стало ярчайшей краской ее узора. Помимо этого, его имя ассоциируется с истинным благородством, со стойкостью духа и безудержным жизнелюбием. Вахушти Котетишвили не просто жил, не просто писал, не просто говорил – он жил, писал и говорил всегда жизнеутверждающе...

Помню, три-четыре года тому назад я зашел к нему и впервые увидел его с искаженным от боли лицом, съезжившегося, лежавшего на тахте. Супруга Вахушти Мзео вызвала скорую помощь. Врачи подозревали предынфарктное состояние и настаивали на немедленной госпитализации. В это время раздался телефонный звонок. Трубку снял сам Вахушти и на вопрос о его самочувствии ответил в свойственной манере: «У меня мерцательная аритмия. А иначе ведь быть не может! У меня все должно быть мерцательным, мерцающим, сверкающим, звездным...» Озабоченные врачи даже заулыбались. Могло показаться, что боль для этого человека была не мучением, а всего лишь чем-то надоедающим, противным его натуре...

В последние годы он не раз оказывался в реанимации. Но и там он не походил на больного. И в реанимации то и дело забавлял врачей своими яркими остротами. В одном из своих последних стихотворений он со скорбным юмором пишет, что в том, что тебя не охватывает вечный сон, заслуга не медицины, а медсестер.

Врачи считали за честь лечить его, ухаживать за ним.

Он был неоспоримым авторитетом во всех сферах литературы, а также в важных вопросах жизни общества, всегда в центре внимания, оказываясь в этом центре не по собственной инициативе, а выбираемым с радостью и с восхищением заведомым, само собой разумеющимся единодушием другими.

Последние несколько лет он, в свое время множество раз едва ли не пешком исходивший всю Грузию, тамада, душа общества, постоянно находившийся в движении, был прикован к кислородному аппарату, без которого не мог обходиться и одного часа. Но он продолжал оставаться собой. Как и прежде писал и переводил, занимался общественной деятельностью и т. д. Будучи таким больным, он все же находил в себе силы проводить мастер-класс по художественному переводу, при котором я ему ассистировал. «Коджорский ветерок подул», – шутил он перед молодой аудиторией, вставляя себе в ноздри трубки, по которым поступал кислород. Даже в таком состоянии он оставался образцом стойкости.

Вахушти Котетишвили обладал невероятным шармом, который действовал магически. Даже нецензурные слова и все, что в устах другого могло бы покоробить, у него не выглядело пошлым, а, напротив, приобретало некую эстетику. Он мог себе позволить то, что в устах других звучало бы непристойно. Имел редкий талант в любой ситуации совершенно непринужденно говорить обо всем, о чем ему хотелось и как ему хотелось. Любой его комментарий, даже на самую обыденную тему, был оригинальным, неожиданным, интересным, и никогда нельзя было предугадать, как он высказался бы по тому или иному вопросу.

Его переводы из персидской поэзии являются непревзойденными и могут служить в качестве образцов поэтического перевода. В них по-новому задышали Хафиз, Фирдоуси, Омар Хайям, Джалаледдин Руми, Саади, Рудаки и др. Здесь же надо отметить, что Вахушти Котетишвили входил в шестерку лучших иранистов мира как лучший переводчик персидской поэзии.

Превосходны также его переводы Рильке и переводы из русской поэзии XX века.

Отмечу, что к искусству перевода у него было особое отношение. Он считал, что это великая гуманная миссия, без посредников, между культурами народов, и служил этой миссии самоотверженно и до конца.

Вахушти Котетишвили был прекрасным поэтом. Хотелось бы выделить сонеты, написанные под конец жизни, в которых переплетаются трагизм, ирония и юмор. Этот цикл сонетов, несомненно, обогатил грузинскую поэзию.

Нельзя не упомянуть о знаменитых фольклорных вечерах, проводимых Вахушти. Из разных районов Грузии он приглашал в Тбилиси и выводил на сцену народных стихотворцев, чтобы, как он пишет, «на фоне той всепоглощающей фальши, что на протяжении многих лет бесстыдно господствовала в нашей стране, мы вспомнили благодать настоящего, простого, непосредственно сказанного слова, корни которого брали свое начало в недрах прослоек веков...»

Его надтреснутый хриплый голос будет перекрывать в памяти голоса многих других...

Ника ДЖОРДЖАНЕЛИ

*მასსიათებლებიდან
ფასეულობეზამდე!*

505 505

www.vtb.com.ge

ბანკი ქართვ CARTU BANK

Ваш надёжный партнёр

Грузия, Тбилиси 0162, Пр. Чавчавадзе №39^а ☎ + (995 32) 92 55 92 www.cartubank.ge